

Марина и Сергей Дяченко

Любовь и фантастика (сборник)

Марина и Сергей Дяченко
Любовь и фантастика (сборник)

«Автор»

Дяченко М.

Любовь и фантастика (сборник) / М. Дяченко — «Автор»,

По сути дела, каждый наш роман, повесть и рассказ так или иначе касается темы отношений мужчины и женщины. Нам интересно исследовать любовь; кто-то называет это нашим отличием и достоинством, кто-то недостатком – ведь фантастика в основном читается подростками, им интереснее приключения, чем любовные перипетии. Поклонники же мелодрам либо ничего о нас не знают, либо разочарованы некоторой сдержанностью, а также нередким отсутствием «хэппи энда», обязательного для сентиментальных романов. И все же мы попытались достучаться и к тем читателям, кто предпочитает «лав-стори» детективу, триллеру или «постмодерновой» прозе, в которой о любви принято говорить с фигой в кармане. Предлагаемый сборник в основном состоит из повестей и рассказов разных лет – и это истории о любви. Здесь есть и трагедии, и драмы, и комедии. Мы полагаем, что именно фантастика позволяет увидеть вечные человеческие отношения в совершенно необычном ракурсе. В сборник вошли: «Хозяин колодцев», повесть (2001) «Демография», рассказ (2002) «Последний Дон Кихот», повесть (2000) («Бронзовая Улитка»-01) «Оскол», рассказ (1999) «Уехал славный рыцарь мой», повесть (2004) «Слепой Василиск», рассказ (2000) «Сказ о золотом петушке», рассказ (1999) «Вирлена», рассказ (1996) «Подземный Ветер», рассказ (2002) («Сигма-Ф»-2003) «Я женюсь на лучшей девушке королевства», рассказ (2002) «Обратная сторона луны», эссе (2000)

© Дяченко М.

© Автор

Содержание

Хозяин колодцев	5
Часть первая	6
Часть вторая	30
Часть третья	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Марина и Сергей Дяченко
Любовь и фантастика
(цикл мистических историй
для любителей «love story»)

Хозяин колодцев

* * *

Часть первая

В первый день лета Юстин нашел пять мертвых воронов. Все трупы выглядели одинаково: клюв разинут, перья на боках слиплись, а на спине выпали, образовав круглую кровавую проплешину.

– Наездники, – сказал дед, когда Юстин рассказал ему о находке. – Вчера вот только подумалось... – и помрачнел.

На другой день Юстин нашел крысу. На боках у нее явственно виднелись следы от маленьких шпор, спина, сбита седлом, кровоточила; тем не менее крыса не спешила подышать и, увидев Юстина, уползла под порог.

Дед всю ночь просидел, запершись в своей каморке, и к утру дом провонял едким и кислым. На рассвете Юстин получил пригоршню лягушачьих костей, моток шелковой нитки, один деревянный гребень, один железный – и объяснения, как всем этим пользоваться; пока Юстин ходил по саду, разматывая нить, выламывая зубья из деревянного гребня и зарывая лягушачьи кости, дед возился с домашней живностью – метил спины уткам, курам, козам, поросенку и кошкам.

– Огонька я тоже на всякий случай пометил, – сказал дед, когда усталый Юстин мыл руки во дворе.

Огонек был волкодавом, и когда его передние лапы ложились Юстину на плечи, пес смотрел на человека сверху вниз. Смывая мыло с твердых широких ладоней, Юстин думал, каков же должен быть наездник, чтобы укатать Огонька.

– Дед... А человека они могут укатать?

– Человека не могут, – сказал дед после паузы. – Свинью, бывало, укатывали. Теленка... А человека – нет. Разве что королева... Королева наездников. Та – может...

Юстин улыбнулся, давая понять, что оценил шутку.

Четыре ночи ничего не происходило; на пятую Юстин проснулся не то от звука, не то от прикосновения, не то от дурного сна.

А может быть, от едва слышного звона натянувшейся шелковой нитки.

– Стой! – рявкнул дед. – Сам не ходи... Вместе...

Бесновался на цепи Огонек.

Они выскочили в сад, вооруженные Юстин косой, а дед вилами. Почти сразу же что-то прыснуло из-под ног; Юстин отшатнулся и едва не напоролся на эти вилы, тогда дед на полуслове оборвал заклятье-оберег, выругался и забормотал снова. Слова его вплетались в шелест ветра, от слов качалась трава и прыгал по стволам свет фонаря. Юстину показалось, что кто-то глядит из-за деревьев, что свет отражается в маленьких равнодушных глазах; прямо над головами мелькнули три или четыре нетопыря, ветер стих, наваждение исчезло.

Дед отбросил вилы и взял у Юстина фонарь. Поднял повыше; в нескольких шагах имеласьдохлая крыса, снежно-белая посреди вытоптанной травы, со жгутом спутанных ниток на шее.

– Сказано – на чьей земле наездник коня переменит, тому счастья семь лет не будет, – сообщил дед мрачно. – У нас уже они на семь семилетий наменялись, не меньше... Чтоб им провалиться, сволочам!

– А может, обойдется? – спросил Юстин, осторожно трогая пальцем острие косы.

– «Обойдется», – безнадежно буркнул дед. – За наездниками всегда саранча идет, вот помяни мое слово... Горевестники они. Ненавижу.

Дед подошел к крысе. Поднял за шелковый жгут, рассмотрел дыры от шпор на боках; отбросил под куст смородины:

– Навернулся наш сторожок... Слушай, Юс, не в службу, а в дружбу. Надо караулить, ничего не поделаешь, нельзя, чтобы они тут, как у себя дома... Посиди до утра. Я тебе фуфайку принесу.

* * *

Под утро Юстин проснулся от сырого холода. Костер превратился в кучу пепла; Юстин плотнее завернулся в дедову фуфайку, встал сперва на четвереньки, потом, потирая затекшую спину, поднялся в полный рост. Вокруг стояла тишина, не смела пискнуть ни единая пичуга, и Юстину припомнились дедовы слова: горевестники... За наездниками всегда саранча идет, помяни мое слово...

Он вспомнил, как накануне козы отказывались идти на луг, жались друг к дружке и истошно мекали. Как не выходили из дому гулены-кошки, а куры, спокойно бродившие по двору, ни с того ни с сего вдруг устроили такой гвалт, будто они были уже в желудке у хорька. Да, незавидная судьба – шпоры в бока и бег до смерти...

Юстин рывком оглянулся. Ему показалось – вот-вот на шею свалится с ветки беспощадный любитель быстрой езды, разорвет рот невесть откуда взявшимися удилами...

Ветки покачивались, будто успокаивая. Среди листвы виднелись маленькие, едва начавшие вызревать яблоки.

Юстин закинул косу на плечо – и медленно двинулся в обход огромного сада, их с дедом единственного достояния, их гордости и кормильца, вечной заботы, их сада, короче говоря...

Он шел и думал о наездниках. О том, что вся их короткая жизнь – забава. Что они забавы ради гоняют на птицах и крысах, на собаках, волчатах и летучих мышах. И, скорее всего, у них нет никакой королевы. Зачем им королева? Каждый из них сам себе король...

С другой стороны... Не бывает дыма без огня, верно? Пусть все, кто якобы видел Королеву, врут... Но ведь люди, случается, пропадают невесть куда, был – и нету... Может быть те, пропавшие, и видели Королеву на самом деле? Просто никому не успели рассказать?

Прямо над головой у него закачалась ветка, дернулась, обрушивая на Юстина редкий дождик росы. Он вскинул голову; в кроне старой черешни, как в зеленом шаре, сидела девушка.

Лицо ее было белое и круглое, слишком большое для наездника. Шея, плечи, тонкие руки, подол светлого платья; Юстин напряженно искал взглядом перепончатые крылья. Если только из-за спины свешиваются крылья, то...

Девушка покачнулась, теряя равновесие. Уперлась в ветку босыми ногами; Юстин разглядел очень тонкие, нежные ступни, круглые пятки, два ряда круглых пальчиков – будто четки.

Она сидела, насупившись; с каждой секундой небо становилось все светлее и светлее, и Юстин уже мог видеть, что незнакомка не так бледна, как показалось вначале. Что щеки ее – румяные, кончик носа – розовый, а волосы – каштановые. И еще он видел, что ей неловко – и оттого она злится.

– Ты косарь? – спросила она наконец. – Шел траву косить? Вот и иди себе...

Голос у нее был будто бы простуженный – низкий и хриловатый.

– Я хозяин этого сада, – сказал Юстин. – И этого дерева.

– Значит, это твою черешню я ем, – спокойно подытожила девушка. – Будь добр, иди своей дорогой. Я сейчас слезу.

Ветка качнулась; девушка потеряла равновесие, пытаясь прикрыть подолом круглое колено:

– Ну, что уставился? Иди отсюда!

– Черешня у нас еще не созрела, – сказал Юстин.

– Это внизу не созрела... А здесь, на верхушке, вполне уже хорошенькая... Ай!

Юстин отбросил косу и бросился ей на помощь – однако в последний момент воровка ухитрилась приостановить падение. Снова взобралась на ветку, залезла еще выше; с высоты насмешливо взглянула на Юстина:

– Поймал?

– Пеняй на себя, – сказал Юстин. – У нас с ворами знаешь как? Голая домой пойдешь. В смоле и в перьях.

Круглопятая девушка засмеялась – хриловато и низко, точь-в-точь королева наездников:

– Сперва поймай.

– А я обожду, – Юстин сел на траву. – Куда мне спешить...

Девушка в ветвях притихла.

– Спешить некуда, – Юстин растянулся, подложив под голову ладонь. – Скоро дед мой придет, собаку приведет... Собачка до вечера посторожит. А вечером сама как груша свалишься.

– Ну-ну, – сказала девушка, без особой, впрочем, уверенности в голосе. И почему-то посмотрела на светлое небо, подернутое перышками облаков.

Юстин задумчиво изучал ее круглые пятки; нет, эти пятки не знают, что такое горячая дорога, острые камушки, что такое стерня. И если хорошенько поискать под деревом...

Долго искать не пришлось. Пара туфелек, кожаных, не особенно маленьких, но очень ладно сшитых, небрежно валялась в траве под кустом.

– Дорогие, – сказал Юстин, разглядывая находку.

– Не твои, – отрезала круглопятая.

– Конфискую за потраву, – сказал Юстин. – Тебе ни к чему, все равно голая домой пойдешь...

– Ну и дурак, – сказала девушка. В низком ее голосе неожиданно прорезались высокие нотки, нервные такие петушки.

И снова воцарилось молчание. Юстин уселся на траву, а потом и растянулся, закинув руки за голову.

– Тебя как зовут? – спросила круглопятая девушка.

– Юстин.

– А меня Анита...

Она замолчала, ожидая продолжения диалога; Юстин жевал травинку. Ему было интересно, как круглопятая станет выкручиваться дальше.

– А я наездника видела, – сказала девушка. – Прямо сегодня. Вот близко, прямо как тебя.

Юстин нахмурился:

– Где?

Девушка неопределенно махнула рукой – закачались ветки:

– Там... На берегу. Маленький, мне по колено. В кожаном колпаке. Глаза зеленые. Рот здоровый, как у лягушки. Золотые шпоры. Вскочил на ворону и – фьють...

– Врешь, – разочарованно сказал Юстин. – Не могла ты его так рассмотреть. «Золотые шпоры»... Про золотые шпоры и так все знают.

– Не вру, – обиделась девушка. – Впрочем, не хочешь верить – так и не верь...

– Жаль, что ты не королева наездников, – неожиданно для себя сказал Юстин.

Девушка покачнулась на своем ненадежном насесте:

– Что?

Юстин понял, что не помнит, как ее зовут. Надо же, ведь она минуту назад назвала свое имя! А из-за этих проклятых наездников он все позабыл...

– Э-э-э, где же солнце? – озабоченно пробормотала девушка, глядя вверх.

– А тебе зачем?

– Погреться хочу, – буркнула девушка.
– Замерзла? Погоди, то ли еще будет. Может, и дождик к обеду соберется...
– Слушай, чего ты ко мне пристал? Удавить готов за пару ягодок? Все вы, крестьяне, такие жадные...

– Я не крестьянин, – сказал Юстин.
– А кто?
– Садовник.
– Не все ли равно? Садовники тоже жадные...

Юстин разглядывал подошвы ее туфель. Нет, в этом она не могла прийти издалека.

– Откуда ты взялась?
– Ниоткуда. С неба упала.

Юстин огляделся. Никакой лошади – и даже следов ее пребывания – поблизости не было.

– Ты одна? – спросил Юстин почему-то с беспокойством.

– Одна, – помолчав, сказала девушка. – И вступиться за меня некому. Так что издевайся как хочешь.

– А как ты приехала? Ты по дороге не шла, у тебя туфли чистые и подошвы тоненькие...

Морем?

– Морем, – согласилась девушка, но снова после крохотной паузы, и эта заминка не понравилась Юстину.

– Знаешь что? Добром слезай.

Девушка демонстративно поболтала ногами:

– Мне и здесь неплохо.

– Плохо, – сказал Юстин с нажимом. – А будет хуже... Ты, надеюсь, не русалка?

– Королева наездников, – фыркнула круглопятая. – Да хоть ведьма. Как тебе будет угодно.

Она смотрела на небо, и Юстин смотрел тоже. Почему-то представился ворон размером с быка, верховая птичка, камнем падающая из поднебесья...

– Что ты там забыла? На небе?

– Ниче...

Вероятно, круглая пятка все-таки соскользнула с тонкой ветки. Девушка на вид была изящной и легкой – однако, падая, опрокинула Юстина, будто деревянную плашку. Вместо того чтобы поймать летящий и вопящий предмет, Юстин послужил ему периной при падении.

Было больно. Девушка не нарочно заехала ему коленом в живот и локтем в зубы, и он был очень рад, когда она слезла с него и проворно отпрыгнула в сторону.

– Королева наездников, – пробормотал он, с трудом поднимаясь.

– Извини, – сказала она и отступила на два шага.

Туфли ее валялись там же, где Юстин их уронил. Теперь он поднял их, сложил подошва к подошве и сунул под мышку.

– Отдай, – сказала круглопятая, переминаясь с одной босой ноги на другую.

– Сейчас, – хмыкнул Юстин.

Девушка протянула руку:

– Дай.

– Не дам. Босиком не убежишь.

Девушка мельком взглянула на небо – тучи тем временем сгустились, солнце не проглядывало.

– А я и так не убегу, – сказала она почти шепотом. – Давай, мажь меня дегтем... Чего уж там. Вперед.

Юстин нахмурился. Помолчал, глядя круглопятой в глаза; бросил ей туфли тем мгновенным плавным движением, каким дед учил его метать ножи:

– На!

Она поймала. Проглотила слюну; обулась, нарочито не глядя на Юстина. Выпрямилась, вскинула подбородок; Юстин сроду не видел благородной дамы, но подумал в эту минуту, что именно так, вероятно, благородные дамы и выглядят...

– Прощай, – сказала девушка так горделиво и таким низким голосом, что Юстин подумал: пробасила.

– Прощай...

Она повернулась и пошла прочь. Не шла – выступала, будто по ковровой дорожке; на десятом шаге споткнулась о корень и чуть не упала. Зашипела от боли.

Обернулась.

Юстин стоял, не двигаясь с места.

* * *

– У тебя поесть найдется?

– А что, черешни не сытные?

– Дались мне твои черешни... У меня ноги вон все исцарапанные. И колено болит. Дались мне твои черешни...

Юстин остановился:

– Слушай, откуда ты взялась? Среди ночи, под утро? Одна? Отсюда до ближайшего хутора целый день топать, если пешком... А до города все два дня... Где твой экипаж? Где твоя лодка?

– Лодка?

– Но ты же сказала, что морем приехала?

Девушка некоторое время пыталась придумать убедительную ложь. Не придумала. Поморщилась:

– Давай присядем.

И она уселась прямо на траву, требовательно уставилась на Юстина снизу вверх, и он вынужден был последовать ее примеру. Девушка посмотрела, насупившись, Юстину в глаза, вытащила откуда-то из-за пояса маленький ножик и, вспарывая траву и землю, очертила вокруг себя и Юстина широкий круг.

Последовала долгая пауза.

– Это зачем? – спросил наконец Юстин.

– Это у меня привычка такая, – серьезно ответила девушка. – Так вот, что же я хотела тебе сказать... У тебя поесть найдется?

– Хлеб, – медленно сказал Юстин. – Сыр... Но это все в доме, а там дед... Деду про тебя говорить, или как?

Девушка опустила глаза:

– Нет, деду про меня лучше не говорить... А у вас в доме нету такой штуки, чтобы погоду предсказывать?

– Есть паук заговоренный... На сегодня дождь обещал.

Девушка застонала. Помотала опущенной головой, так что коротко – до плеч – остриженные волосы закачались светлым шатром:

– У-у-у... А на завтра?

– Он дешевый, – сказал Юстин. – Только на один день предсказывает.

Помолчали.

– Ты забыл, как меня зовут, – сказала девушка.

– Ага, – признался Юстин.

– Анита.

– Вот теперь точно не забуду...

– Это хорошо, что я тебя встретила, а не деда, – серьезно сказала Анита.
– Дед тоже добрый, – нерешительно возразил Юстин.
Анита хмыкнула. Некоторое время было очень тихо.
– Птиц не слышно, – сказал Юстин. – Плохо.
– Наездники, – сказала Анита. – Я... Слушай, ночью страшно было. Их в саду вашем гоняло штук шесть.
– Ага, – сказал Юстин. – Мне дед велел сторожок наладить, так они сторожок сорвали... И опять стало тихо.
– А вот почему люди наездников боятся? – спросила Анита. – Ну ладно, они могут загнать курицу, поросенка там... если не намазать заговоренной смолой. Ну, ворон загоняют... Крыс... А люди почему боятся?
– Горевестники, – коротко ответил Юстин. – И потом... Птиц нет, саранча приходит. Яблоки созреть не успеют, про вишню я уж молчу... А зачем ты круг нарисовала?
– Это такой символ доверия, – сказала Анита. – Ты меня за черешни свои простил... Ну и я тебе благодарна. Так, в общем.
– А откуда ты взялась?
Анита вздохнула:
– Слушай... Будь другом. Принеси мне поесть, а заодно посмотри, что там твой заговоренный паук показывает. А я тебя здесь обожду. Хорошо?
Юстин помолчал, потом без слов поднялся и пошел к дому. Дед был в сарае; не окликая его, Юстин потихоньку вошел в дом, отрезал хлеба, сыра и кусочек колбасы, налил в небольшой кувшин молока – и, подмигнув Огоньку, пустился в обратный путь.
На полдороги вспомнил, что забыл посмотреть на паука. Возвращаться не стал; тучи, против ожидания, перестали сгущаться и даже слегка разошлись, так что в голубое окошко брызнул на какое-то мгновение луч солнца...
Потом серые перья сомкнулись снова.
Когда Юстин, со свертком и кувшином, добрался до места, где оставил Аниту – там уже никого не было. Только пустой круг, нарисованный ножом.

* * *

– Дед... А когда круг рисуют на земле – это зачем?
Дед скосил на Юстина здоровый глаз:
– Да разные заклатья бывают... От чужого уха, или от чужого глаза, или от дурного помысла. А тебе зачем?
– Да так, – сказал Юстин, и дед не стал расспрашивать. Вздохнул только и вернулся к своей работе – рубашку штопал.
– Да так, – повторил Юстин виновато. – Девушка тут была...
Дед поднял бровь.
– Да, – Юстин поерзал. – И главное, непонятно, откуда взялась. Ноги нежные, туфли господские, новенькие. Ни экипажа, ни лошади, платье такое, будто только что из дому. На берегу следов нет... Я специально на берег ходил. Песок нетронутый с прошлого дождя...
– Горевестники, – сказал дед, пряча лицо глубоко в бороду. – Так я и знал.
– Так ведь нету никакого горя...
– Девушка ниоткуда – это не радость, сынок. Радость – это когда девушка настоящая, здоровая, усталая, потом пахнет, когда ты знаешь, чья она и откуда пришла... А это не девушка, сынок, это мара, или русалка, или еще какая-то гадость, ты вот что... Давай-ка оберег тебе сочинию какой-нибудь.
– Она живая, – растерянно возразил Юстин. – Ноги расцарапала... И тяжелая такая...

Дедова бровь поднялась еще выше.

– Она на меня с дерева упала, – виновато пояснил Юстин.

Здоровый дедов глаз смотрел пристально, слепой – отрешенно.

* * *

Всю следующую неделю шел, иногда прекращаясь, дождь. Трава в саду поднялась по поясу; паук-предсказатель упрямо сидел в левом нижнем углу паутины, что во все времена означало облачность, дожди и непогоду.

Дед все-таки уехал на ярмарку. Угнезвился в телеге, прикрывшись от неприветливого неба куском рогожки, и Юстин на несколько дней оказался ответственным за все хозяйство и всю скотину.

Поздно вечером, закончив наконец-то все дела и забравшись на холодную печку – они с дедом никогда не топили летом – Юстин долго мерз, кутался в отсыревшее одеяло, стучал зубами и, вспоминая Аниту, сжимал в кулаке изготовленный дедом оберег – смолистый шарик с торчащими из него перьями.

Наутро небо было чистое, ясное, и прежде чем паук-предсказатель успел перебраться из левого нижнего угла в правый верхний, весь двор и весь мир оказались залитыми солнцем.

* * *

– Стой!

Девушка вздрогнула и остановилась. Платье на ней было уже другое – зеленоватое, с высокими пышными рукавами.

– Не ходи сюда, – сказал Юстин. – Откуда ты снова взялась? С неба?

– Извини, – сказала девушка, чуть помолчав. – Я думала... Ну если я так тебя возмущаю самим своим видом – я уже ухожу.

– погоди, – сказал Юстин в замешательстве. – Я только хотел... Ты нежить?

– Что? Опять?! Королева наездников я, ты сам сказал... Прощай.

– Да погоди ты! – рассердился Юстин. – Я по-человечески с тобой... Я тебе колбасы принес. Я ее сам нечасто ем. А тебе принес – хлеба, сыра, молока... колбасы... А ты куда девалась? И как после этого поверить, что ты не нежить?

– А, – Анита запнулась. – Я в самом деле... Ты извини. Мне надо было быстро уйти... – и она опустилась на траву, прямо где стояла, и приглашающе похлопала по земле рядом с собой.

Юстин потрогал оберег на шее – и сел. Анита тут же вытащила свой ножик и заключила их обоих в круг.

– Мне надо было уйти, – повторила Анита. – Понимаешь... Я человек, такой же, как и ты. Можешь мою руку потрогать – теплая... Это что у тебя, оберег? Я его хоть на себя надеть могу, и мне ничего не сделается. Потому что я человек.

– А куда ты девалась? – мрачно спросил Юстин.

Анита вздохнула:

– Ну, есть у меня один... способ... Я на солнце смотрю.

Юстин невольно поднял глаза к ясному небу. Зажмурился:

– Я тоже иногда смотрю... Через стеклышко. Ну и что?

Анита кивнула, будто обрадовавшись:

– Вот-вот... Через стеклышко. И я...

Она коснулась цепочки на шее – на цепочке болталось закопченное стеклышко, очень темное, круглое, с отшлифованными краями.

– Я смотрю через него на солнце, и оно переносит меня домой, – шепотом объяснила Анита. – А если солнца нету... Я тогда, помнишь, когда наездники... Я на закате не ушла, хотела поближе на них посмотреть. А утром были тучи... А если тучи, я не могу попасть домой. И если бы я тогда, в тот просвет, солнце не поймала – неделю мне тут сидеть, а отец... Он, в общем, не понял бы.

Юстин молчал. Смотрел на круглое стеклышко.

– Это заговор? – спросил наконец.

Анита усмехнулась:

– Скажешь такое... Это не заговор. Это магия.

– Да? – Юстин повел лопатками, будто от холода.

– Ничего особенного, – с напускным равнодушием сказала Анита. – Посмотришь – и дома...

– А можно мне посмотреть?

Анита отпрянула. Быстро спрятала стеклышко за вырезом платья:

– Ты что, хочешь оказаться *у меня дома*?

В голосе у нее был такой ужас, что Юстин помрачнел:

– А... Что?

– Ничего, – сказала Анита. – Просто... ни к чему это.

– А оно только к тебе домой переносит?

– Отсюда – да, – кивнула Анита. – Из дома – в любое... место. То есть, конечно, не в любое, но... во многие места. Надо захотеть... если старое место – то вспомнить. Если новое – представить...

– Значит, – сказал Юстин, – значит, сегодня ты захотела вернуться сюда?

Анита отвернулась:

– Да... Чего особенного?

– А зачем? За черешнями? Понравилось?

Она покосилась на него почти неприязненно:

– Знаешь... Если все время шутить одинаково, то шутка становится... чем-то совсем другим, тебе не кажется?

– Ну, извини, – сказал Юстин, чувствуя себя дураком.

– Мне здесь понравилось, – сказала Анита просто.

И в полной тишине этого утра они замолчали. Надолго.

Анита сидела вполборота к Юстину. Русые волосы были не распущены, как в прошлую встречу, но аккуратно подобраны гребнями. В мочке розового уха поблескивала зеленая искорка-серьга. Анита смотрела мимо Юстинова взгляда – вдаль.

– Знаешь, – сказал Юстин, – наверное, тебе не следовало вот так, сразу, открывать свою тайну кому попало. Другой человек мог бы... обидеть тебя. Отобрал бы стеклышко, разбил... И что?

Анита удивленно на него покосилась:

– Ты думаешь, я дура? Я же вижу, с кем говорю... Ты же мне колбасу принес, вот какого ты лешего потащил колбасу незнакомой воровке? А?

– Ну... наверное, ты права, – смущенно согласился Юстин. – Наверное...

Снова замолчали.

– А я один остался, – сказал Юстин. – Дед уехал на ярмарку... Раньше завтрашнего вечера и ждать нечего.

– Слушай, – после паузы сказала Анита, и голос у нее был почти торжественный. – Послушай... Покажи мне, как вы живете, а?

* * *

Юстин опасался, что Огонек не примет нежданную гостью – но тот, хоть и не радовался особенно, команду послушал и убрался под порог, звеня цепью.

Анита, как оказалось, совсем не боялась собак.

Она восхищалась козами, курами, она заглядывала в печь, с восторгом брала с руки грубые тарелки и миски, залезала на лавку, чтобы понюхать пучок сушеных трав под потолком:

– Здорово!

Юстин стеснялся их с дедом дома – убогого, не очень чистого, сырого и темного. Юстин не понимал, где должна была вырасти девушка, с таким интересом разглядывающая печной ухват; против Юстинового опасения, дедовы «штучки» (заготовки для оберегов, лягушачьи кости, перья диковинных птиц, клубки цветных ниток и заговоренный воск) нимало Аниту не заинтересовали. Расписные деревянные ложки увлекли ее куда больше; правда, за все время, пока Анита изучала дом, двор и сарай, между ней и Юстином не было сказано и двух слов – Анита всякий раз останавливала Юстина, когда тот пытался что-то объяснить:

– Потом...

Потом они вышли во двор, Анита изъявила желание сесть на землю, и Юстин подстелил ей рогожку. Анита дождалась, пока рядом усядется Юстин, и вытащила свой ножик.

Юстин смотрел, как она вырезает круг. Краем сознания прошла мысль, что к дедовому возвращению надо будет затереть след ножа на земле.

– Спасибо, – сказала Анита. – Жалко, что печку растопить нельзя. Мне хотелось бы посмотреть, как туда дрова бросают.

– А у тебя дома, – осторожно спросил Юстин, – печку топят чем?

Анита перестала улыбаться. Подумала; потрогала кончик носа:

– У меня дома печки вообще нету. Про мой дом давай не говорить, ладно?

– Это немножко нечестно, – сказал Юстин. – Я же тебе все показал... Все, что у меня есть.

– Ну да, – Анита нервно скомкала подол. – Конечно, это не очень честно... но только что поделаешь? Есть такое слово – «нельзя». Слышал когда-нибудь?

– Но ведь мы же в кругу, – осторожно сказал Юстин.

Девушка насторожилась:

– А что ты знаешь про круг?

– А что мне надо знать?

Анита отвернулась:

– Ничего не надо знать. Не твое это дело. Просто мне захотелось сегодня прийти... Сюда. Я и пришла. Скоро уйду.

Мимо сидящих прошла рыжая курица. Походя склюнула какого-то жучка. На куриной спине уродливым черным пятном лежала заговоренная дедом смола.

– У тебя отец строгий? – предположил Юстин.

– Да, – нехотя отозвалась Анита.

– А мама есть?

– Нету... Слушай, мне правда скоро пора.

– А я не буду тебя расспрашивать. Сиди спокойно.

Анита вдруг улыбнулась:

– Да нет... Спрашивай, я не боюсь. Если не смогу ответить, так и скажу.

Юстин понял, что почему-то волнуется.

– Твой дом далеко? – начал он осторожно.

Анита кивнула:

– Да. Наверное. А может быть, не очень.

Юстин помолчал, выбирая вопрос.

– Твой дом... там всегда светит солнце?

Анита посмотрела удивленно:

– Нет... Там вообще нет...

И она зажала себе рот рукой.

– А как же ты тогда смотришь через стеклышко? – спросил Юстин, ощущая неприятный тяжелый холод в груди.

– А я там не на солнце смотрю, – сказала Анита глухо.

– Это под землей? – спросил Юстин.

– Может быть, – вздохнула Анита.

– Твой отец...

Анита резко подняла голову, взглянула на солнце, зажмурилась:

– Мне пора, Юстин. В прошлый раз, когда я опоздала, мне такое было... Лучше сейчас уйти, а то вон туча ползет... Смотри!

И Юстин подался на детскую уловку. Глянул туда, куда указывала Анита, а когда обернулся снова – рядом с ним никого не было.

Вообще никого. Только куры.

Заскулил на цепи Огонек.

* * *

Дед вернулся на другой день. Едва посмотрев в его здоровый глаз, Юстин понял, что новости плохие.

– Худо с торговлей?

– Какая уж торговля... – дед стоял, привалившись к стене, и безучастно смотрел, как Юстин распрягает лошадь. – Горевестники... Пришли наездники – быть беде, помнишь мои слова?

– Что случилось-то? – Юстин старался говорить как можно небрежнее, в то время как руки начинали почему-то дрожать. Лошадь, которую дед обычно щадил, теперь чувствовала себя плохо: мокрая, заморенная, со следами батога на спине.

Ее немилосердно погоняли.

– Наш-то войну затеял, – проговорил дед глухо.

Юстин не стал переспрашивать. «Наш» – означало «князь».

– Войну, – продолжал дед с отвращением. – Жди рекрутского набора... Рекрутского набора!

В голосе его звучал ужас, которого не удавалось скрыть.

* * *

– Что ты делаешь? – спросила Анита.

Юстин с трудом разогнул спину. Посмотрел вверх; увидел щегольские кожаные туфли, ноги, стоящие в траве у свежерытой ямы, так близко к краю, что осыпались черно-рыжие комья из-под подошв.

– Что ты делаешь? – повторила Анита обеспокоено. – Это что, могила? Кто-то умер?

– Это моя могила, – сказал Юстин нехотя.

– Что?!

Прежде чем он успел возразить, она легко прыгнула к нему, на дно ямы, в глину.

– Что? Ты что, Юстин?

Ему захотелось успокоить ее. Потому что она действительно испугалась не на шутку.

– Рекрутский набор, – объяснил он мягко. – Приедут вербовщики... А дед им мою могилу покажет. Нет, – он улыбнулся, – пустую... Но могилу надо соорудить по всем правилам. Чтобы вербовщики поверили.

Анита нахмурилась. Посмотрела вниз, на грязную лопату в Юстиновых руках; подняла взгляд:

– Рекрутский...

– Рекрутский набор, – со вздохом повторил Юстин.

Анита без слов попыталась выбраться из ямы, но влажная земля подавалась под носками туфель, и ноги соскальзывали, оставляя борозды на стенке Юстиновой могилы. Он помог ей; под светлым платьем, сшитым из очень тонкой, очень мягкой материи, напрягалось теплое тугое тело, и когда Анита выбралась наконец наверх, Юстину стало жаль, что дозволенное прикосновение закончилось.

Потом он увидел, что на светлом платье остался след его грязных ладоней. Ему сделалось неловко.

– Я тебя запачкал...

– Ерунда, – Анита села на траву.

Юстин выбрался следом – чумазый, потный, смущенный. Молча сел рядом; Анита обвела на земле круг – и сразу же заговорила:

– Рекрутский набор – это в солдаты?

– Да. Наш затеял войну... Снова. Наш князь.

Анита свела брови. Выпятила нижнюю губу:

– Что-то я слышала... Ты думаешь, вербовщики поверят?

Юстин пожал плечами:

– Надеюсь... Вот живи мы с дедом в поселке или на хуторе – тогда некуда было бы деваться, только в леса уходить... А так – может быть, и поверят. Ты же им не скажешь? – спохватился он вдруг.

Анита обиделась. Юстин смутился снова:

– Ты... это.

Она сидела рядом, и на платье ее ясно виднелись следы его ладоней. Юстин потер руки одна об другую; ладони помнили прикосновение и не хотели забывать. Разозлившись, он несколько раз громко хлопнул в ладоши – чтобы хоть болью прогнать воспоминание.

– Ты кому хлопаешь? – улыбнулась Анита, и Юстин понял, что она не сердится.

– Я глупость брякнул, – признался он честно. – Тебе платье... замазал. Дома ругаться не будут?

Анита покачала головой:

– Не заметят... Я ведь иногда, если из дома переносюсь и место перепутаю, так в ручей падаю или в болото... И такая домой возвращаюсь – ну просто хоть к лещему в дупло!

– «Переносюсь» – это когда в стеклышко смотришь?

– Ага...

– А как ты к нам в сад попала? В самый первый раз?

Анита смутилась:

– Ну... Мне тогда черешен захотелось. И я загадала такое место, где уже созрели черешни...

Юстин засмеялся, а Анита взглянула в небо. Солнце то пряталось за неширокие ленты облаков, то выныривало снова, однако Анита смотрела не на солнце; черная туча, не похожая на прочие облака, обозначилась на востоке и быстро приближалась, захватывая все небо, растягиваясь частой сеткой.

Вороны.

Юстин разинул рот. С того самого дня, как в саду побывали наездники, он не видел ни одной птицы; теперь вороны летели тысячами, будто на чей-то зов, закрыли собой все небо – ни края, ни конца молчаливой стае не было и не предвиделось.

– Вот оно, – тихо сказала Анита. – Быть войне.

Юстин обхватил плечи выпачканными в земле руками:

– Добычу чуют...

Дед рассказывал, как его самого когда-то забрали в рекруты – еще при батюшке нынешнего князя. Немного, впрочем, рассказывал; больше говорили слепой глаз, шрамы на лице и следы палки на спине.

И ненависть к воронам.

– Чуют, – мрачно подтвердила Анита.

И оба посмотрели на почти полностью готовую могилу.

– Вашего князя Краснобровым зовут?

Вороны все летели и летели.

– Да... – не сводя глаз с могилы, пробормотал Юстин.

– «Краснобровому вечно тесно в отцовых границах», – сообщила Анита, будто повторяя чьи-то слова. – «Но на этот раз заварушка закончится не так, как ему хотелось бы».

– Что? – удивился Юстин.

Вороны все летели и летели.

– Хочешь, я предупрежу тебя, когда вербовщики в вашу сторону двинут? – просто спросила Анита.

Юстин захлебнулся:

– А ты... Ты можешь?

– Попробую, – Анита нахмурилась. – Слушай, небо затягивает... Мне пора. Отвернись...

– Погоди, – быстро сказал Юстин. – Ты в следующий раз... когда?

– Попробую поскорее, – деловито пообещала Анита. – Ну, отвернись, давай!

И Юстин покорно отвел глаза – как будто Анита собралась купаться.

Вороны все летели, но девушки рядом уже не было; Юстин тщательно затер нарисованный на земле круг.

* * *

– Непростая у тебя подружка, – сказал дед.

Юстин помрачнел.

– Но она – не нечисть, – продолжал дед серьезно. – Я ее следы волчьим порошком посыпал – и хоть бы что. Человек, значит.

– Ну конечно, человек, – сказал Юстин немного раздраженно.

– Я за тобой не шпионил, – возразил дед. – Это ты от меня чего-то прятаться надумал... А напрасно.

– Она обещала предупредить, когда вербовщики в нашу сторону повернут, – сказал Юстин.

Здоровый дедов глаз мигнул:

– А откуда ей знать-то?

– Я вот что думаю, – сказал Юстин, осторожно вымакивая остатки ухи корочкой черного хлеба. – Я думаю, отец у нее – колдун. Хороший такой колдун. И нездешний.

– Ясно, что нездешний, – пробормотал дед. – В округе таких нет. Я не знаю.

– И вот еще, – продолжал Юстин, – она сказала – «ваш князь». А не «наш князь».

– Колдунам князя так и так не указ, – вздохнул дед.

– И еще, – Юстин совсем разволновался, – она говорила... будто слышала где-то, а мне повторяла. Что Краснобровому вечно тесно в отцовых границах. Что на этот раз он не победит...

Дед долго разглядывал дно опустевшей миски.

– Да, – сказал наконец. – Отец ее – тот еще колдун... Но ты не тушуйся. Колдуновы дочки – они и за простых замуж выходят, и за благородных, и за богатых, и за нищих... Им не все плевать, понимаешь. Свободные они в своем выборе... Так что не робей.

Ворочаясь на холодной печи, Юстин вспоминал дедовы слова и молча удивлялся: как могло деду прийти в голову, что он, Юстин, сможет *жениться* на Аните?

А потом он не выдержал – и поверил сам. И размечтался.

Ох, как он мечтал! Какая длинная, какая бессонная, какая счастливая выдалась ночь!

Наутро не было солнца.

* * *

Могила получилась на славу; Юстину даже сделалось немножко страшно. Дед ходил вокруг косоугольного камня с выбитым на нем Юстиновым именем, бормотал заговоры, посыпал семенами трав – и уже через два дня могильный холмик выглядел так, будто сооружен был ранней весной, несколько месяцев назад.

– С весны тебя никто из чужих не видел, – раздумывал дед. – Поверят, куда денутся... Еды себе собери, мешок приготовь, чтобы всегда под рукой. На берег пойдешь – по песку не ступай, только по камням... Вокруг дома я траву-отбивайку насадил, она любой запах отбивает, если собаку пустят – как раз до камня доведет... Чего смотришь, Юстинка? Оробел? Не бойся... Сто лет проживешь. Если кому при жизни могилу соорудили – сто лет проживет, это уж точно...

Юстин молчал. Вот уже несколько дней солнце проглядывало хоть изредка, но все же проглядывало, а Аниты не было и в помине, и у Юстина поскребывало на душе, будто лапой. Вид собственной могилы не добавлял радости.

Ночью он долго не мог заснуть, но не мечты одолевали его – страх; как только темная комната и дедово сопение провалились в никуда – оттуда же, из ниоткуда, вынырнула Анита: «Вставай же! Сколько можно тебя звать! Вербовщики идут, уже идут, вставай же, вставай! Они уже близко! Вставай, вставай, вставай!»

* * *

Дед стоял у колодца, облокотившись на сруб, пошатываясь. Рядом стояло пустое ведро. Ни кур, ни коз, ни поросенка, ни лошади не было ни слышно, ни видно. Перед крыльцом лежал Огонек, над ним вились мухи.

– Дед?!

Дед обернулся – рубаха на нем была разорвана во многих местах, сквозь огромную прореху на спине видны были свежие багровые отметины – поверх старых палочных шрамов.

– Злились, – сказал дед с трудом. Здоровый глаз его заплыл, дед смотрел на Юстину сквозь щелочку. – Сильно злились, Юстинка. Огонька пристрелили... Хотели могилу раскопать, да передумали. Скотину со злости забрали. Чуть дом не подпалили... Злились, в общем. Чували, что мы их душим.

Юстин помог деду сесть на скамейку у колодца. Быстро вытащил воды, дал напиться; дед долго умывался, опуская разбитое лицо глубоко в ледяную воду. Утерся остатками рубахи; улыбнулся, обнажая редкие зубы:

– Молодцы мы, Юстинка. Сберегли тебя.

* * *

Вторая половина лета была солнечной. Время от времени с запада на восток пролетали бесчисленные стаи ворон – где-то шли сражения, поставляли воронам добычу.

Наездники больше не показывались.

Дед отлеживался; ради него Юстин топил даже печку по вечерам. Деда вечно знобило; молока не было, яиц не стало, Юстин ловил рыбу и кормил деда ухой, с ужасом думая, что станет осенью и зимой. Голод?

Анита приходила каждый день.

– Я тебе поесть принесла, – сказала она однажды.

Юстин поперхнулся:

– Зачем? Я же не нищий...

– Ну ты же мне колбасу предлагал, – нимало не смутясь, возразила Анита. – Я тебе не как нищему, я как другу... И деда покорми.

У нее в узелке было копченое мясо, нарезанное тонкими розовыми ломтиками. Солончатый сыр, подобного которому Юстин никогда не пробовал. Белый хлеб, такой нежный, что таял во рту без всякой помощи зубов. Желтоватое душистое масло...

– Откуда? – спросил дед.

– От верблюда, – сказал довольный Юстин.

Верблюда он видел однажды в детстве – на ярмарке.

* * *

Они сидели в границах круга, нарисованного на земле, и Анита рассказывала, что войско Краснобрового полностью разбито в сражении при речушке Белой, что армия его противника, Ушастого Звора, преследует князя и скоро нагонит его, и что предстоят большие перемены и потрясения...

– Куда уж больше, – сумрачно отвечал Юстин.

Дед понемногу выздоравливал – но все-таки очень медленно.

– Наверное, ты прав, – подумав, сказала Анита. – Всем, кто живет в глуши, все равно, кто там сидит на троне – Краснобровый или Ушастый Звор...

– Не все равно, – возразил Юстин. – Если Краснобровый останется – он через несколько лет захочет ответной драки, снова будет собирать по дворам тех, кто хоть сколько-нибудь подрос... Вон, деда забрали в рекруты, когда ему было пятнадцать.

– А сколько ему теперь? – спросила Анита, помолчав.

– Да уже за сорок.

– Да? – почему-то удивилась Анита. – Я думала...

И замолчала.

– Слушай, – сказал Юстин. – А про все это... Про эти сражения, про речку Белую, я даже не знаю, где она... Про все это ты от отца слышала?

– Ну, в общем-то, да, – нехотя призналась Анита.

– У него есть волшебное зеркало?

Анита поморщилась:

– Нет у него никакого зеркала. Ему не надо.

– Ого, – уважительно протянул Юстин.

– Ты вот что, – думая о своем, продолжала Анита, – ты своему деду – внук?

– Ну вообще-то, – теперь поморщился Юстин. – Вообще-то я ему приемыш.

– А родители твои...

– Нету, – сказал Юстин. – И не было.

– Ладно, – Анита не стала дальше расспрашивать. Опустила ресницы, раздумывая; Юстину ужасно захотелось потрогать ее щеку. Дотронуться до мягкого уголка чуть поджатых губ.

– Скажи, – проговорил он поспешно, прогоняя прочь недозволенные мысли, – скажи, а почему этого Звора Ушастым зовут? Это же вроде как насмешка. Наш бы Краснобровый ни за что не потерпел...

– Вот потому-то ваш Краснобровый разбит, а Ушастый за ним гонится, – со снисходительной улыбкой пояснила Анита. – Ушастый – он умный... У него уши большие, так он на шлеме себе велел выковать железные уши – еще больше. Чтобы в бою его всегда узнавали... И он никогда не собирает по деревням мальчишек на убой. У него своя армия, настоящая... Он красивый.

У Юстина неприятно царапнуло внутри.

– Ты его видела? – спросил он.

– Ну да, – призналась Анита. – Я раньше... Еще до того, как с тобой познакомилась... ходила через стеклышко к Звору в парк. Один раз с ним говорила... У него действительно большие уши. Но он все равно красивый.

– Что ж ты не осталась? – мрачно спросил Юстин. – С Ушастым своим?

Анита вдруг рассмеялась:

– Так здорово смотреть, как ты ревнуешь... Ушастый – ровесник твоему деду, ему тоже за сорок. Только выглядит он, конечно, куда как помоложе...

Юстину вдруг стало очень, очень грустно. Так грустно, что даже опустили плечи; он сбежал от рекрутского набора, трусливо сбежал, подставив деда под издевательства и побои. Он никогда не увидит поля битвы... Не того, где пируют вороны, а настоящего, где сходятся войска, где сверкает на солнце сталь и сразу ясно, кто герой, а кто слизняк. Где хрустят под конскими копытами кости – но поверженный снова встает, потому что так надо...

И, конечно, он никогда не увидит шатра, в котором собрались полководцы. Не увидит Ушастого Звора в его знаменитом шлеме, не увидит, как он проносится перед своей армией – не стадом сопливых мальчишек, а настоящей армией! – и выкрикивает слова звонкие и горячие, слова, от которых мурашки бегут по коже, от которых каждый солдат чувствует себя бессмертным...

Он проглотил слюну.

Всю жизнь он будет голодать и прятаться, копошиться в земле, удобрять плодовые деревья, продавать яблоки и вишни.

Может быть, собственноручно вырыв себе могилу, он безвозвратно сломал что-то в своей судьбе? Похоронил себя заживо? Может быть, следовало быть мужчиной – и явиться на призыв Краснобрового, чтобы хоть издали, хоть из-за леса копий поглядеть на Ушастого Звора?

– О чем ты загрустил? – спросила Анита.

– Скажи, – медленно начал Юстин, – а твое стеклышко... Нет ли другого такого, только чтобы переноситься – отсюда? Куда захочешь?

– А куда бы ты хотел?

Юстин молчал.

– Такого стеклышка нет, – задумчиво сказала Анита. – Пока – нет... Но ты не грусти!

* * *

Перед рассветом они пошли в поле, и Юстин научил ее приманивать эльфушей.

В мае, в пору цветения, эльфуши опыляют плодовые деревья лучше пчел и шмелей. На дереве, где по весне резвились эльфуши, вырастают яблоки величиной с дыню и вишни разме-

ром с яблоко; если садовод умел и не ленив, если вовремя подопрет ветки рогатками – за урожай с одного только дерева можно будет закупить хлеба на целый месяц. Богатые горожанки просто сходят с ума, стоит им увидеть плоды с опыленного эльфушами дерева; говорят, что гигантские эти фрукты помогают от женского бесплодия...

Летом эльфуши в саду нежелательны. Ломают ветки, портят яблоки, выгрызая на зеленой коже большие и маленькие сердечки. Ловить эльфушей – себе дороже: они братолюбивы и мстительны, и за одного изловленного соплеменника могут поджечь сарай, а то и дом. Значит, задача умного садовода – отвадить летунов от сада, завлекая в другое место, например, на цветущую липу, или на ромашковое поле, или еще куда-то, где есть чему радовать глаз.

Для приманивания эльфушей, объяснял Юстин Аните, лучше всего годится ребенок лет до шести-семи. Почуввав в поле малыша, эльфуши слетаются, будто на мед: рассаживаются вокруг малыша на цветы и на ветки, складывают прозрачные крылышки – и заводят вроде бы беседы, то есть взрослому кажется, что это просто череда мелодичных звуков, отдаленно похожих на человеческую речь, но Юстин отлично помнил, что, когда он был маленький и сидел вот так же в кругу хрупких разноцветных созданий, речь эльфушей казалась ему вполне осмысленной, хотя и однообразной. Они бесконечно повторяли что-то вроде: «Хор-рошо... Мал-льчик... Быть хор-рошим мальчиком – хор-рошо...», повторяли то хором, то поодиночке, на разные голоса и с такими разными интонациями, что маленький Юстин готов был слушать их часами...

Когда ему исполнилось восемь, эльфуши потеряли к нему интерес, но дед скорее обрадовался, нежели огорчился. Он сказал: ты совсем большой... И научил выманивать эльфушей из летнего сада манком.

И вот, когда небо уже начало сереть, Юстин и Анита залегли в высокую траву среди спящих ромашек, поставили рядом фонарь с цветными стеклами, и Юстин протянул Аните манок – хрупкую дудочку с вертушкой. Запах влажных трав поднимался до неба; Анита облизнула губы – сердце у Юстина подпрыгнуло – и подула; дудочка нежно заскулила, вертушка завертелась, издавая неповторимый «эльфушачий» звук, потому что в каждой лопасти была особая прорезь, и воздух, пробиваясь сквозь нее, по-особому свистел...

Анита манила и манила, и скоро к обычному шелесту утреннего ветра добавился необычный – шелест прозрачных крыльев. Эльфушей было много, штук десять; они кружились над фонарем, над замершими в траве людьми, иногда соприкасались крыльями и чуть не падали, но выравнивались вновь. Юстин ждал, что они, как обычно, покружатся-покружатся, да и пойдут танцевать на цветах, сбивая росу; случилось иначе. Эльфуши, слетевшиеся на манок, впервые в жизни Юстина – вернее, впервые с тех пор, как ему исполнилось восемь – заинтересовались людьми.

Небо светлело. Один большой, изумрудно-зеленый эльфуш опустился Юстину на грудь. Юстин замер – в эльфуше почти не было веса, но сапожки с подковками щекотали и царапали грудь. На голове у зеленого эльфуша был желтый обруч, вроде как кольцо с иголочками, а справа и слева от кольца острыми листочками топорщились уши. У эльфуша было белое лицо, почти человеческое, с длинными темными глазами, острым носом и маленьким розовым ртом. Юстин встретился с эльфушом взглядом – и невольно перестал дышать; изумрудное существо взвилось над ним, растопырив руки и ноги, будто обхватив невидимый мыльный пузырь, и Юстин услышал будто издали, будто из детства:

– Тили-тили... Хор-роший. Тили-тили... Тесто – хор-рошо...

Сразу два эльфуша, нежно воркуя «тили-тили», опустились Юстину один на грудь, другой на живот. Юстин чуть не вскрикнул, попытался подняться, но три других летающих существа вились у его лица, обнажая в улыбке маленькие острые зубы; нежно-розовый эльфуш уже перекусывал нитки, на которых держались Юстиновы пуговицы, а кто-то еще перегрызал завязки штанов.

– Тили-тили... – заклинанием стелилось над травой. – Тили-тили-тили... Тессто, тессто...

Манок давно уже молчал. Эльфуши кружились над Анитой, высвобождая ее из одежды, а она не сопротивлялась, замороженно улыбалась, ее платье, разобранное по частям, уже лежало рядом светлой лужицей, сразу пять поющих эльфушей подхватили подол ее рубашки и с натугой потащили вверх, а под рубашкой не было вообще ничего, кроме самой Аниты.

– Тили-тили-тили-тили... Тессто, тессто...

Он эльфушиного пеня мутилось в голове, и бежали мурашки по голой спине, голой до самых пяток.

Фонарик с цветными стеклами опрокинулся на бок и погас.

* * *

– Ты... знал? Про эльфушей?

– Не знал.

Анита смеялась:

– Зна-ал... Все знал...

Юстин обомлел:

– А ты... знала?

– Все знают, – смеялась Анита, – что эльфуши клюют на детей и на влюбленных... Я-то сразу все поняла, когда ты мне манок показал...

Юстин чувствовал себя очень красным, очень счастливым и очень глупым. Они лежали в сене, под навесом, и Аните пора было уходить, но она не могла, потому что небо заволокло тучами и собирался дождик.

– Ты права, – сказал Юстин, закрывая глаза. – Тебя не обманешь... Конечно, я знал.

...Он чувствовал, как выступают на глазах слезы. Не от горя; Анитины губы были средоточием всей на свете нежности, у Юстина будто горячее солнце взорвалось внутри, он плыл, как в топленом молоке, и ничего, кроме Анитиных увлажнившихся глаз, не видел.

– Тили-тили... – еле слышно пели в ушах несуществующие голоса.

По навесу стучали капли, Юстин плавился в своем счастье, пребывал в своем счастье, в их общем, разделенном, оранжевом и синем, ярком солнечном счастье. Потом они долго лежали, убаюкивая друг друга, не было холодно, ни о чем не надо было беспокоиться, и закопченное Анитино стеклышко с отшлифованными краями лежало у Юстина на голом плече.

Потом он заснул.

* * *

Только месяц спустя после визита вербовщиков дед почувствовал в себе достаточно сил, чтобы выйти «в мир». Юстин отговаривал его, но дед был непреклонен; выстругал себе палку, обмотал ноги тряпками и пошел – до ближайшего хутора, за новостями.

Вернулся на другой день – прихрамывающий, но довольный.

Новостей и в самом деле оказалось выше крыши. Краснобрового свергли; говорят, сам он сгинул где-то в горах, сорвался с кручи, уходя от погони. Ушастый Звор вошел в княжью столицу, одним указом низложил всех княжых советчиков, наместников и начальников и другим указом назначил своих – и они разъехались по городам и поселкам, потрясая оружием и верительными грамотами, сопровождаемые многочисленной угрюмой стражей. Цены на хлеб подскочили втрое; народ на всякий случай затаился, прекратил всякую торговлю, спрятал все, что можно было припрятать – до выяснения обстоятельств, пока не станет понятно, чего от новой власти ждать.

– Теперь свободно можешь ходить, Юс, – говорил дед, почесывая бороду. – Ты теперь не дезертир... Ты теперь можешь хоть куда наняться, хоть где поселиться, нам-то с тобой конец Краснобрового – в радость, ну его, кровопийцу...

Юстин отмалчивался. Умом понимал, что дед говорит о важном, но никак не мог заставить себя озаботиться свержением Краснобрового, подорожанием хлеба и новыми наместниками. Ему было даже обидно, что дед так уж поглощен пугающими и радостными новостями; ему даже страшновато было оттого, что его собственные мысли соотносились с дедовым рассказом, как небесные облака – с псовой охотой в далеком лесу. Пугающе, шумно, кроваво – но далеко внизу, подернуто дымкой, безразлично...

Все, что происходило в эти дни с ним и с Анитой, казалось ему столь же значительным, как солнце и луна. Как небо и яблоки. Как жатва.

* * *

Они купались на отмели вдали от берега. Вместе грелись на плоском бородатом камне – нагишом; это было прекрасно и мучительно. Мелкие ракушки впивались в бока; Анитины волосы вплетались в морскую траву.

– Какое бесстыдство, – блаженно шептала Анита, глядя в небо.

Нигде-нигде на свете не было ни души.

Дни шли один за другим, как ожерелье из белых черешен; дни были солнечные, ночи – короткие, вечером Анита уходила, чтобы вернуться наутро.

– Юс... – сказал однажды дед, когда звездным вечером они улеглись спать во дворе, под небом, дед на телеге, а Юстин под телегой. – Ты уже знаешь, кто она?

– Нет, – сказал Юстин, с которого моментально слетел весь сон.

Дед посопел; за этим сопением стояли долгие дни, когда Юстин уходил на рассвете и возвращался в сумерках, вечера, когда дед косился на Юстина, желая и не решаясь о чем-то спросить, но Юстин не замечал этих взглядов и счастливо засыпал на соломе, и ему снилось утро...

– Юс, – сказал дед, и сквозь щели в телеге на Юстина упало несколько соломинок, – я ведь жду все, жду... Думаю, Юс мой женится, жену приведет, будут дети... Ты ведь не дезертир теперь, ты в законе. Можешь жениться хоть на ком хочешь. Парень ты видный... красивый, здоровый, умный... А я больной уже и старый, Юс. Сколько проживу – неизвестно... Ты бы спросил у нее – пойдет она за тебя замуж? Если она совсем уж... человек?

* * *

«Пойдешь за меня замуж?»

Сколько раз он задавал ей этот вопрос. То грозно, то мягко, то просяще, то небрежно. Сколько раз он спрашивал ее – в мечтах.

Сколько раз, открыв рот, он закрывал его снова. Она спрашивала – что? И он отзывался – нет, ничего...

А потом зарядили дожди на целую неделю.

А потом...

* * *

– Юстин! Юс! Вставай... Пожалуйста...

Он протер глаза. Была ночь; он содрогнулся, вспомнив, как она снилась ему накануне визита вербовщиков. Что, неужели опять беда?!

Но она не снилась. Она стояла рядом и трясла его за плечо. Ночью! В доме!

– Что? – спросил он, перехватывая ее руку.

– Отец все знает, – сказала Анита в темноте. – Юстин... Теперь или мы бежим – или ты меня больше никогда не увидишь.

– Мы бежим, – легко согласился он.

Как ни тихо шептались они – сопение деда на лавке прервалось.

– Мы бежим, – повторил Юстин уже не так уверенно. – А куда?

– Я добыла другое стеклышко, – сказала Анита. – Две его половинки. Я знаю место, куда оно ведет. Это очень далеко. Даже отец, может быть, не найдет нас... Только смотреть надо не на солнце, а на луну.

Юстин глянул в ту сторону темноты, где должно было быть окно. Ничего не увидел.

– Сегодня полнолуние, – сказала Анита. – Под утро ветер развеет тучи... Только я тебе сначала должна сказать, кто мой отец. Иначе это будет нечестно.

Юстин не слушал, думал о деде. О том, что дед чуть жизни не лишился, спасая его, Юстина. О том, что кроме Юстина, у деда нет ни одной живой души... О том, что скоро осень, а скотину забрали. О том, что дед болен – по его, Юстина, милости.

– погоди, – сказал он шепотом. – погоди...

– Ты боишься?

– Нет! Но я подумал... А как же дед? Можем мы его взять с собой?

Заскрипела лавка. Дед пошевелился. Юстин прекрасно понимал, что он не спит. Слушает.

– Но у стеклышка только две половинки! – сказала Анита уже в полный голос. – Только две... Мы уйдем сегодня – или я тебя больше никогда не увижу!

Юстин молчал.

– Кто твой отец, девонька? – тихо спросили с лавки.

– Какая разница, – шепотом сказал Юстин.

– Большая разница, – с горечью отозвалась Анита. – Мой отец... Мой отец – Ос, Хозяин Колодцев.

Тихонько запел ветер в печной трубе. Значит, в самом деле – скоро небо очистится, выйдет луна...

– Этого не может быть, – сказал Юстин. – Так не бывает. Анита, так не может быть!

– Так есть, – глухо сказала Анита. – Я его люблю... Но он – такой, какой он есть, и другим быть не может.

Темнота тихо застонала. Скрипнула под дедом скамейка.

– Я бы могла не говорить, – сказала Анита, будто оправдываясь. – Но это было бы нечестно. Он ведь будет искать меня, и, может быть, найдет – даже там... И тогда... понимаешь?

– Он не разрешает нам встречаться? – глупо спросил Юстин.

– Он считает, что я должна делать то, чего хочет он, – тихо сказала Анита. – Он иначе не умеет... Он же Хозяин Колодцев.

– Не повторяй! – тихонько вскрикнул дед. – Не повторяй... Накликаешь...

Ветер в трубе завыл сильнее.

– Значит, ты не пойдешь со мной, Юстин? – тихо спросила Анита. – Значит... мы можем попрощаться?

– Уходи, – взмолилась темнота. – Зачем ты пришла, девонька... Зачем ты влюбила его в себя... Ты ведь знала, чем это может кончиться – для него... Зачем же ты?

Ветер в трубе выл сильнее, выл, будто одичавший пес посреди кладбища. Уи-и-и...

– Да, – тихо сказала Анита. – Вы правы. Конечно.

Воздух заколыхался; в приоткрытую дверь потянуло сквозняком. Юстин соскользнул с печи, опрокинул в темноте табурет, метнулся мимо лавки – к двери.

– Ю-ус! – неслось ему вслед.

На улице было светлее. На небе, в том месте, где была луна, облака уже светились белым.

– Стой! – он догнал ее у ворот. – Стой... Послушай. Неужели мы никак не можем взять деда с собой?

– Так ты готов идти со мной?!

– Пойду, – сказал Юстин, стуча зубами, вероятно, от холода. – Я уже сбежал один раз – от вербовщиков... Как трус.

– Тогда ты правильно сделал, – возразила Анита. – Тебя ведь звали не на войну, а на бойню.

– Теперь не важно, – сказал Юстин. – Слушай... Я с тобой. Куда хочешь. Если бы деда не было – я бы вообще не думал, пошел бы за тобой – и все.

– А если отец нас поймает?!

– Не поймает, – Юстин махнул рукой.

– А если поймает?

– Не поймает! – рявкнул Юстин. – Что мне с дедом делать-то, а? Как он будет без меня?

Анита что-то молча обдумывала. Потом вдруг сцепила пальцы:

– Ну вот что... Я знаю способ, чтобы ты мог время от времени к деду наведываться. Помогать ему. Деньгами... Скотину можно будет купить новую, дом починить...

– Навещать? – переспросил Юстин. – Здесь?

– Ну да, – Анита тряхнула волосами. – Раз в неделю... Примерно.

– Так о чем же мы раздумываем? – удивился Юстин. – погоди, я скажу ему, что скоро вернусь...

– Не надо, – Анита удержала его за руку. – Сейчас луна выйдет... может быть, на одну секундочку. Если ты идешь со мной – иди сейчас!

– Я иду, – сказал Юстин.

Туча отдернулась в сторону, будто рваная занавеска. Высвободила луну; Анита оторвала наконец свои губы от Юстиновых – и протянула ему половинку закопченного стеклышка.

Юстин поднес стекло к глазам. Рука его шла все медленнее, но все-таки не успела остановиться, не успела полностью оказаться во власти страха; он увидел будто кольцо на белой поверхности луны, будто обручальное колечко...

Ощущение было такое, будто падаешь в неглубокую яму. Луна мигнула и пропала; колени подогнулись, под босыми ногами была уже не трава, а каменные плиты. В его руке по-прежнему жили тонкие Анитины пальцы, холодные как луна...

Он слышал, как Анита тонко, болезненно вскрикнула.

Ее пальцы выскользнули из его руки – и тогда он открыл глаза.

* * *

Здесь было немногим светлее, чем на залитом луной дворе. Справа и слева угадывались каменные стены; воздух был не то чтобы спертый, но какой-то слишком густой, с едва ощутимым неприятным запахом, и Юстин, привыкший к свежему воздуху сада и поля, закашлялся. Плохо, если это и есть то самое место, куда они с Анитой убежали, где им теперь предстоит жить...

Анита стояла рядом – чуть согнув колени и разведя руки в стороны, будто загораживая Юстину от чего-то, будто он, Юстин, был маленьким, как эльфус, и мог спрятаться за узкой Анитиной спиной.

А перед Анитой, в трех шагах, стоял еще кто-то, и вокруг него полутьма сгущалась, превращаясь в тьму.

Юстин содрогнулся. Сделал движение, чтобы загородить собой Аниту – но она неожиданно сильно оттолкнула его.

Стоящая перед ними безликая фигура излучала темноту точно так же, как светлячок излучает свет; через мгновение оказалось, что и лицо у стоящего было. Юстин заглянул в него – и покрылся холодным потом.

– Если ты его тронешь, я удавлюсь! – непривычно тонким голосом пообещала Анита.

Фигура, излучающая тьму, молчала.

– Я имею право! – почти взвизгнула Анита. – А ты – шпионишь! Ты не имеешь права! У меня своя жизнь! Я человек! Я женщина!

У Юстина подкосились ноги. Он понял вдруг, куда они попали и кто перед ним стоит.

– Отпусти его, – очень тихо, жалобно попросила Анита.

Юстин, сдерживая дрожь, обнял ее за плечи:

– Не...

Он хотел сказать «не плачь», или «не беспокойся», или «не надо», он сам еще не решил. Но ничего не получилось – голоса не было, а пищать не хотелось.

– Иди к себе, – медленно сказал тот, кто стоял перед ними.

– Нет! – крикнула Анита.

– Иди к себе, – бесстрастно повторил стоящий. – Ступай.

Анита втянула голову в плечи:

– Если ты его тронешь... Если ты только его тронешь...

– Ты заслужила серьезное наказание, – сказал стоящий. – А он... Ты ведь соврала ему и не сказала, что его ждет в случае неудачи.

– Я сказала, – прошептала Анита.

Ее отец, источающий тьму, поднял глаза и посмотрел прямо на Юстина; Юстин едва удержался, чтобы не упасть на колени – от внезапной слабости и еще от того, что на него накатила вдруг волна мутной одуряющей покорности.

– Правда? – спросил Ос, не сводя взгляда. – Она сказала тебе, чья она дочь?

Юстин кивнул, и капля пота щекотно прокатилась от виска до подбородка.

– Но я ведь чую между вами какую-то ложь, – сказал Ос, Хозяин Колодцев, и перевел взгляд на Аниту. – В чем ты солгала ему?

Анита вздрогнула. Медленно обернулась в Юстину – бледная, с двумя мокрыми бороздками вдоль щек:

– Я солгала тебе про деда. Ты бы не смог... навещать его. Ты бы ушел навсегда. Я соврала, чтобы ты не чувствовал себя предателем...

Юстин открыл рот, как рыба. Снова закрыл. Захотел проснуться, проснуться еще раз, на рассвете, проснуться на этот раз по-настоящему.

– Теперь иди к себе, – жестко сказал Хозяин Аните. – Иди.

Она сторбилась, прижала ладони к животу и, волоча ноги, побрела куда-то прочь, в темноту, вверх по едва различимой винтовой лестнице. Юстин потрясенно смотрел ей в след.

Анита солгала ему!

«Чтобы ты не чувствовал себя предателем...» Но ведь он *былбы* предателем!

Он уже предатель. Потому что дед остался один... Теперь на веки вечные – один.

Хозяин Колодцев шагнул вперед. Юстину показалось, что он движется, как круглая капля масла на поверхности воды. Что пространство рядом с ним мягко изгибается.

И он зажмурил глаза, потому что ему не хотелось видеть собственной смерти. А Хозяин Колодцев все стоял и стоял, стоял смотрел, и новая волна покорности в Юстиновой душе поднималась все выше, готова была захлестнуть его с головой...

– Так ты знал, против чьей воли идешь? – спросил Хозяин Колодцев.

Юстин облизнул губы. Во рту нарастал железный привкус – будто он, Юстин, был запряжен и грыз удила.

– Да.

Хозяин Колодцев смотрел.

– Я не понимаю, почему это... против воли, – с усилием продолжал Юстин. – Я не понимаю, почему *такая* воля... Почему она не может... выбрать меня?

Хозяин Колодцев не отводил взгляда – будто держал холодной ладонью за лицо.

– Она человек, – в отчаянии сказал Юстин. – Если ей в след волчьего порошка насыпать, то ничего не будет. Значит, она человек.

Тот, что стоял перед ним, молча склонил тяжелую голову к плечу.

– Она любит меня, – громче сказал Юстин. – Я люблю ее. Почему – нельзя? Почему нельзя ее любить? Ведь она человек! Она... свободная! Ну скажите, зачем вам принц?! То есть зачем ей принц... Вам же не надо ни власти, ни богатства, у вас и так все есть... Так почему – нельзя? Я по-честному... я хочу на ней жениться. Я не то чтобы там... Я же по-честному!

– А ты ее не знаешь, – неожиданно мягко сказал Хозяин Колодцев. – Она вовсе не так проста, как тебе кажется... Она солгала тебе в первый раз, но не в последний.

– Не говорите так о ней, – попросил Юстин.

– ...И она знала, что провести тебя туда, куда ей хотелось – через Луну – ей скорее всего не удастся. И она знала, как я с тобой поступлю.

– Это неправда, – сказал Юстин.

– Что неправда?

Юстин молчал.

– Не бойся, – сказал Хозяин Колодцев. – Ты умрешь мгновенно и безболезненно.

* * *

Вокруг, сколько хватало взгляда, была темная глубина. Юстин сидел на круглом столбе, верхушка его была будто каменный остров в море пустоты. Юстин сидел в самом центре маленькой тверди, скорчившись, подтянув колени к животу. Сидел и думал над словами Оса, Хозяина Колодцев.

Анита знала, что ведет Юстина на смерть? Не может быть. Возможно, она переоценивала возможности своего стеклышка...

«Ты заслужила серьезное наказание»... Что он с ней сделает, выпорет? Юстин криво усмехнулся. Убивать-то он ее точно не будет, она не рисковала жизнью, глядя на луну через осколок стекла...

Но она ведь предупреждала! А Юстин в ответ сказал: «Я пошел бы с тобой на край света». Тогда она соврала, что он сможет проведывать деда...

Ос, Хозяин Колодцев, тоже соврал. Анита не могла вести Юстина на смерть. Это яд, заключенный в слова – будучи сказанными, они разрушают доверие изнутри.

Юстин крепче обхватил колени. Чего ему было жальче всего? Жизни? Ерунда. Было жаль деда, который остался совсем один, и жаль, что никогда больше не придется поцеловать Аниту.

Иногда он спрашивал себя – а может быть, он уже умер? Может быть, после смерти каждый человек оказывается вот так, в одиночестве, на вершине каменного столба? Наедине со своими воспоминаниями?

Он вспоминал цветных эльфушей. Прикосновение ажурных крылышек. «Тили-тили». Запах трав. Запах Аниты.

Он зажмурился глазами и пытался заснуть – но разве можно спать на вершине исполинской колонны? Того и гляди скатишься вниз, и будешь лететь, не находя опоры и смерти, много сотен лет...

А потом темнота рядом с ним сгустилась, и из ниоткуда появилась фигура, плывущая через пространство, будто капелька масла по воде. И Юстин понял, что он все-таки еще жив, и что это – ненадолго.

– Я наказал свою дочь, – сказал Ос, Хозяин Колодцев. – Но в процессе наказания выяснились новые обстоятельства. Поди-ка сюда... Юстин.

Юстин вздрогнул от звука своего имени; каменный столб исчез. Теперь он стоял посреди круглого зала, можно было бежать вправо и бежать влево без боязни свалиться в темноту – но Юстин остался на месте. Только с некоторым запозданием раскинул руки, балансируя посреди возникшей – и исчезнувшей – бездны.

– Она в тебя не на шутку влюблена, – сказал Хозяин брезгливо.

– Да, – сказал Юстин. – И я тоже люблю ее. Я... позвольте попросить руки вашей дочери.

Ос долго смотрел на Юстину, а потом захохотал. Это было страшное и отталкивающее зрелище; Юстин втянул голову в плечи. Неужели Анита действительно – его дочь?!

– А кто был Анитиной матерью? – спросил Юстин шепотом, надеясь, что хохот Хозяина заглушит его слова. – Вы любили ее?

Хозяин оборвал свой смех. Под взглядом его Юстину захотелось стать плоским, как рисунок на стене. Взгляд размазывал и плющил; немедленно надо было что-то придумать, какую-то уловку, чтобы тот, кто стоял перед ним, хоть на секунду задумался, хоть на мгновение отвел глаза...

– Вы можете заглянуть в будущее? – почти выкрикнул Юстин. – Вы можете? Ну посмотрите туда – и увидите, что будет, если вы меня не убьете, а позволите жениться на Аните!

Хозяин усмехнулся. Юстин ждал, обливаясь холодным потом.

Ос медленно двинулся сквозь пространство, огибая Юстину, и тьма следовала за ним коротким шлейфом. Там, где прошел Хозяин Колодцев, на каменных плитах пола выступал иней.

– Будущего не существует, – сказал Хозяин как-то даже печально. – Все эти ворожеи, гадалки, заглядывающие в будущее... Его нет. Оно создается каждую минуту, секунду, сейчас. Показать, как это бывает?

Юстин молчал.

– У тебя есть монетка? – мягко спросил Хозяин.

Юстин полез в карман штанов. Негнущимися пальцами вытащил единственную монетку. Медный грош.

– А ты не бойся, – все так же мягко продолжал Хозяин. – Дай мне.

Юстин поднял руку – и уронил медяк в протянутую темную ладонь.

– С одной стороны здесь единица, с другой – профиль Краснобрового. Всего только две стороны. Я брошу монетку, и никто не знает наверняка, как она упадет. Если выпадет мертвый князь, я убью тебя, как обещал. Если выпадет единица – я верну тебя в то самое место, откуда Анита тебя выдернула.

– И позволите на ней жениться? – быстро спросил Юстин.

Хозяин усмехнулся:

– А вот это случится, если монетка встанет на ребро.

Юстин опустил голову.

– Сейчас будущего нет, – продолжал Хозяин. – Его не будет вовсе, если выпадет орел. Если решка – ниточка твоей жизни продолжится, но некое странное «будущее», о котором ты говоришь, от этого не появится. Сам станешь строить свое «сегодня» и вспоминать свое «вчера»... Будущего нет. Понял?

Юстин молчал.

– Я бросаю, – сказал Хозяин.

Медная монетка летела суетливо, слишком быстро, без подобающей торжественности.

Тускло звякнула о каменный пол, подпрыгнула, упала снова, заплясала, успокоилась.

– Теперь погляди, что там выпало.

Юстин стоял, не шевелясь.

– Погляди, – сказал Хозяин. – Не наклоняться же мне... Из-за такой малости.

Юстин подошел к месту, где лежала монетка. Зажмурился; накрыл медяк ладонью.

– Будущего все еще нет, – сказал за его спиной Хозяин. – Но судьба твоя уже решена...

Итак?

Юстин убрал ладонь, заранее зная, что увидит надменный профиль с кривым, как у ведьмы, носом – профиль мертвого теперь Краснобрового.

Он ошибся. Монета упала единичкой кверху.

Часть вторая

* * *

На телеге желто-розовой горкой лежали яблоки. Отдельно – гигантские, с тех яблонь, где танцевали по весне эльфуси. Отдельно – обыкновенные, но тоже очень крупные, чистые, без единого червячка. Светало; Юстин выехал затемно, чтобы успеть к началу базарного дня.

Близилась осень. Кляча, взятая взаймы у соседей с хутора, прекрасно понимала, что Юстин ей не хозяин и погонять хлыстом не имеет права, а потому шла нога за ногу – Юстин никогда не видел, как гуляют горожанки по бульвару, но, вероятно, как раз таким прогулочным шагом они и гуляют...

На передке телеги покачивался фонарь. Желтый свет его вплетался в серые сумерки наступающего дня.

Перед въездом в город Юстин остановился у колодца. Умылся; мозолистые ладони почти не ощущали прикосновения многодневной жесткой щетины.

...Первое время он все коптил стеклышки, накладывал самодельные заговоры и смотрел на солнце. И всякий раз видел ровный белый круг, и всякий раз оставался на том же самом месте, только однажды, сгоряча выложив «на стекло» все известные ему заклинания, при взгляде на солнце почувствовал будто удар по затылку, упал и не сразу поднялся.

Дед сперва уговаривал его и утешал. Потом молчал, делая вид, что ничего не произошло. Потом – это случилось после очередной попытки Юстина посмотреть на солнце сквозь заговоренное стекло – дед вдруг обезумел. Он, ни разу в жизни не повысивший на воспитанника голос, теперь орал, в гневе бранился, плевался и порывался Юстина бить.

Юстин стал сутками пропадать на берегу, в поле или в саду. Засыпал на голой земле, вскакивал от прикосновения к плечу – но прикосновение всякий раз оказывалось сном. Он выходил в поле, пытался приманивать эльфусей; те слетались, заслышав манок – но, едва завидев Юстина, бросались врассыпную, будто от страха.

Дед затих. Перестал бранить Юстина, вообще перестал с ним разговаривать. Сильнее сгорбился, снова стал кашлять. Близилась осень...

Юстин тяжело взобрался на телегу. Погасил фонарь; было уже совсем светло, следовало торопиться – но Юстин вдруг откинулся назад, лег, закинув руки за голову, прямо на яблоки.

Белые яблоки были холодные, будто из льда. В капельках росы.

Розовые яблоки казались теплыми, их прикосновение было – как прикосновение живой кожи.

Юстин лежал на яблоках и смотрел в небо. Впереди был базарный день, а Юстин всегда задыхался на базаре, всегда вздрагивал от окриков, ненавидел суету, толпу, пыль, надменных горожанок, скупых крестьян, грубых сборщиков податей, смазливых служанок, чье назойливое кокетство было столь же изящным, как колода для колки дров – «Эй, красавчик, почем нынче яблочки?» И вытянутые вперед губы, жирные и красные, только что целовавшиеся с масляной пышкой...

Юстин знал, что пройдет год, два – и Анита станет призраком, и вспоминать ее можно будет без горечи, а можно будет вообще не вспоминать...

Юстин знал, что никогда больше не будет улыбаться.

* * *

Ярмарки сменяли одна другую; время было горячее, только успевай. Юстину везло – он продавал дорого, покупал дешево, скоро у деда во дворе снова завелись две козы и два десятка цыплят, а самое главное – удалось купить лошадь, не старую еще, хотя, конечно, и не молодую. На соседнем хуторе оценилась сука, Юстин выбрал самого злого щенка, принес домой и назвал Огоньком. Дед ночами напролет варил зелья в котле – гадал; Юстин хотел сказать ему, что будущего не существует и предсказывать его – только время терять.

Но не сказал.

Однажды ночью Юстин проснулся оттого, что дед стоял над ним со свечкой. Юстин обозлился и чуть было не обидел деда нехорошим словом, но удержался.

– Юстинка, – сказал дед, и свеча в его руке дрогнула, проливая воск на дедовы пальцы. – Ну поверь ты старику...

– Что? – спросил Юстин, испугавшись, что дед рехнулся от переживаний.

– Будь он проклят! – тонко вскрикнул дед. – Колдуны ведь, хоть какие могучие – из людей все же, и ясно, чего от них ждать, чего они могут, чего не могут... А этот – ты знаешь, каких колодцев он Хозяин? Не знаешь, Юстинка... Не тех, где воду берут. Других колодцев... Ох, глубоких, Юстинка. Не надо нам беды, заклинаю, забудь ее, забудь, объяснить не могу – так хоть поверь старому, поверь, а?

Из здорового дедового глаза скатилась слеза. Юстин испугался.

На его памяти дед не плакал никогда.

* * *

Того, что случилось в самой середине осени, никакое дедово гадание предсказать не смогло. Наверное, не солгал Хозяин Колодцев – будущего нет...

Юстин был дома – разгружал телегу дров, которую удалось накануне выменять на десять корзин «эльфушачьих» яблок. Носил дрова под навес, сортировал, складывал; перестук многих копыт услышал только тогда, когда всадники были уже совсем близко.

Пятеро. На высоких сытых конях, таких огромных, что Юстинова кляча была рядом с ними как лягушка перед курицей. Бородатые. Хорошо одетые. Загорелые. Хмурые.

У каждого на поясе имелась сабля.

Юстин как стоял перед поленницей – так и опустил руки, и дрова выкатились на землю со звонким, каким-то даже музыкальным стуком.

– Отопри ворота, – сказал старший всадник, глядя на Юстина сверху вниз через хлипкий покосившийся забор.

Юстин повиновался. Двое всадников въехали во двор и спешили; трое остались снаружи.

Старший вытащил из-за пояса желтую, свернутую трубочкой бумагу. Развернул, провел по написанному толстым, как молодая яблоня, пальцем:

– Как звать?

– Меня? – в ужасе спросил Юстин.

Стражник поднял на него светло-голубые мутные глаза:

– Меня я знаю, как звать... Тебя, суслик!

– Юстин...

Стражник снова заглянул в свою бумагу.

– Ага, – сказал удовлетворенно. – Не зря, значит, в такую даль перлись...

Из дома вышел дед. Вышел – и врос в порог, не в состоянии сделать шага.

– Лет тебе сколько? – продолжал допрашивать стражник, не глядя на деда.
– Восемнадцать...
– Ага! – повторил стражник еще более удовлетворенно.
– В армию? – слабо спросил дед, придерживаясь рукой за дверной косяк.
Обладатель бумаги наконец-то заметил его. Поманил плохо гнущимся пальцем:
– Поди сюда, старый...
Дед чуть не упал, спускаясь с порога. Юстин бросился к нему, подхватил под руку.
– Родич он тебе? – спросил стражник, когда дед – и поддерживающий его Юстин – остановились прямо перед ним.
– Нет, – сказал дед, не опуская глаз. – Приемьш.
– Это молодец, что не врешь, – похвалил стражник. – Где взял? Как звали бабу, что тебе его принесла?
– Фрина-гусятница, – с трудом выговорил дед. – Господин мой, помру без него. Не забирайте.
Стражник не обратил на его слова никакого внимания.
– А эта Фрина была мать ему?
– Нет. Мать его померла.
– А отец?
– А отца не знать.
– Сколько ему было, когда ты его взял?
– Год ему был... Господин, не забирайте! Он хворый...
– А вот теперь врешь, – разочарованно сказал стражник. – Он здоровее нас всех, вон какой румяный...
И перевел взгляд на Юстина – а у того тем временем вся кровь ушла куда-то в живот, и щеки стали, наверное, белые-белые – во всяком случае, стражник хмыкнул:
– Ну, теперь-то он испужался... А то красный был, как девка.
Юстин молчал.
Вот так, значит. От тех вербовщиков он в могилу спрятался... Напрасно, выходит, старался. Напрасно Огонька прикончили, напрасно деда чуть не забили до смерти... Потому как все равно – вот она, судьба. Хозяин Колодцев говорит – нет будущего, а народная мудрость не соглашается – чему быть, мол, того не миновать...
– Я не боюсь, – через силу сказал Юстин.
– И славненько, – сказал стражник. – Вон к тому тощему в седло сядешь. За спиной. Понял?
– Куда? – едва слышно закричал дед. – Не пуцу!
– Ты, старый суслик, под копыта-то не лезь, – рассудительно посоветовал стражник. – Пустишь ты, не пустишь – тебя не спрашивают...
И обернулся к Юстину:
– Что стал?
...Он оказался сидящим за чьей-то потной спиной. Босые ноги болтались в воздухе; что-то кричал дед, и Юстин кричал в ответ, что не волнуйся, мол, скоро вернусь...
А лошадь пустилась рысью – и скоро не стало видно ни дома, ни забора, а только спина, перетянутая кожаным ремнем, спина – и немножко неба.

* * *

Расстояние, на которое соседской кляче требовалось много часов, сытые лошади стражников одолели играючи. Один раз остановились у колодца – умыться, напоить лошадей, перекусить; Юстину дали кусок мягкого черного хлеба, он откусил раз – и не смог больше есть.

– Эй, парень, – сказал ему стражник, за чьей спиной он ехал, – а что ты натворил-то?
– Натворил? – тупо переспросил Юстин. – Я... а разве меня – не в солдаты?
– Не-ет, брат, – хмыкнул старший, тот самый, что носил за поясом свернутую в трубочку бумагу. – Тебя по специальному приказу велено доставить, так что ты у нас важная птица! Может, языком трепал в таверне?

– Сроду я не бывал в тавернах, – пролепетал Юстин.

– Ну да разберутся, – бросил тот, у кого Юстин ехал за спиной. – Наше дело доставить... Ну что, трогаем?

И они снова поскакали, и Юстин все пытался сообразить, откуда на него могла свалиться беда – но его подбрасывало на конском крупе, и мысли сбивались, будто масло в маслобойке. Было уже темно, когда въехали в город.

* * *

Над большой комнатой нависал низкий, черный от копоти потолок. Юстин шагнул через порог – и остановился; комната полна была народу, и все лица обернулись к вошедшему.

За его спиной скрежетнул засов.

– Еще один, – сказал кто-то.

– Парень, ты чей?

– Юстин я, – хрипло сказал Юстин. И переступил с ноги на ногу.

– Ну так заходи, – сказал смуглый парень, по виду лет двадцати. – Все мы тут... такие. Не бойсь, заходи.

Вдоль стен комнаты тянулись лавки. Кое-кто лежал, закинув ногу на ногу, кто-то сидел на полу, на куче соломы. Смуглый парень похлопал ладонью по свободному месту на лавке рядом с собой:

– Иди, сядь...

Из-под ладони его выскочил многоногий домохранец, возмущенно пискнул, погрозил тонким кулачком. Смуглый парень равнодушно сощелкнул пискуна в щель; Юстин вздрогнул – он терпеть не мог домохранцев. Брезговал.

– Меня Акиром зовут, – сказал смуглый парень. – Я сам деревенский, но в городе нанялся водовозом... Так меня прямо с улицы сграбастали. Сегодня утром.

– А за что? – спросил Юстин, оглядываясь. Лица вокруг были молодые и зрелые, напуганные и не очень, угрюмые и спокойные. Одному мальчику было на вид лет тринадцать, он сидел, забившись в угол, и тер кулаками глаза.

Акир фыркнул:

– За что, за что... В армию когда берут – разве спрашивают за что?

– А нас разве в армию? – осторожно спросил бородатый мужчина с лавки напротив.

– А куда? – снисходительно хмыкнул Акир.

– Я слышал, – сказал Юстин, – что меня по специальному приказу...

– Возомнил, – сказал тучный юноша с очень бледным, не знающим загара лицом. – Прямо-таки сейчас. Будут на всякую деревенщину специальный приказ сочинять...

Узники загалдели:

– А что...

– Сам деревенщина...

– В армию, это точно... Князь призывает...

– Не в армию! Какой князь, ты с дуба свалился?! Свергли князя, деревенщина ты, нету князя, наместник есть...

– А я разве говорю, что Краснобровый?

– Краснобровый...

– Краснобровый объявился! – веско сказал Акир. И добавил, удовлетворенно оглядывая разом притихших собеседников: – Краснобровый не умер, оказывается. Все брехня... нам сабли дадут, самострелы, каждому – коня хорошего...

– Разогнался, – мрачно сказали из угла. – Пешком потопаешь, пушечное мясо.

– Ты, может, и пушечное мясо, – обиделся Акир, – а у меня отец охотник... Я такой стрелок, что меня в войске на вес золота...

– А меня вообще скоро заберут отсюда, – сказал тучный юноша. – Я здесь случайно.

– погоди, – перебил его жилистый светловолосый парень с оловянной серьгой в ухе. Обернулся к Акиру: – Кого, ты говоришь, мы воевать пойдем? Краснобрового? Или, наоборот, под Краснобрового знамена? Кто рекрутирует-то?

– Меня заберут, – упрямо повторил тучный, и его ткнули в бок.

– Я слышал, – снова начал Юстин, хотя голос его тонул в общем гуле голосов. – Я слышал, что не в армию, не в войско!

На его слова не обратили внимания. Все говорили разом, никто никого не слушал, всем было страшно и муторно, всех неизвестно зачем выдернули из повседневной жизни, все боялись будущего, все хотели выговориться... В конце концов Юстин уснул, свернувшись калачиком, во сне его были яблоки, эльфوشي, выгрызающие сердечки на круглых розовых боках, Юстин кричал, чтобы перестали портить товар – но эльфوشي только издевательски скалили зубы...

А под утро Юстин проснулся от того, что какой-то домохранец влез ему за шиворот. Юстин взвыл от отвращения, воем разбудил соседей и получил тумака от бородастого; воздух в комнате сделался за ночь таким плотным, что из него можно было, наверное, отливать свечи.

Было уже светло, когда узников подняли, вереницей вывели во двор и велели умыться. Холодная вода вернула отупевшему Юстину способность соображать; отойдя в сторонку, он сосчитал товарищей по несчастью – вместе с Юстином их было сорок девять человек! Слишком много, чтобы содержаться в одной комнате с низким потолком, но явно недостаточно, чтобы пополнить армию.

Дед рассказывал – в тот год, когда его забрали вербовщики, рекрутов считали тысячами. Кормили по двадцать человек из одного котла, содержали в чистом поле, в загородке, будто скот. Нет, сорок девять человек – слишком мало для рекрутского набора, слишком...

Что теперь с дедом будет? Как он сейчас? Мучается, не зная ничего о Юстиновой судьбе...

Тем временем на середину двора выкатили котел, и молодец в белом переднике взялся наполнять кашей глиняные миски. Мисок тоже было сорок девять; тучный юноша не наелся, а плечистый парень с неприятными черными глазами попытался отобрать порцию у мальчика, однако встретился взглядом со скучающим стражником в углу двора – и раздумал. Поев, Юстин приободрился; узникам дали возможность справить естественные надобности и привести себя в порядок, а потом выстроили вереницей и повели куда-то, и вскоре Юстин вслед за прочими очутился в высоком просторном зале, прохладном и вовсе не душном.

Сорок девять мужчин выстроили вдоль стены. Справа и слева стояли, поигрывая кнутами, бесстрастные воины в шелковых плащах поверх кольчуг. Юстин оказался на левой стороне неровного строя – рядом с Акиром и мальчиком.

Откуда-то из боковой двери появился богато и неряшливо одетый человек без головного убора, с лысеющей, ловящей блики макушкой. Остановился посреди зала, окинул взглядом оробевших узников; кивнул кому-то, невидимому в проеме:

– Можно.

Загрохотали по полу тяжелые колеса; Юстин разинул рот. Двое стражников выкатили и осторожно установили у противоположной стены тележку. На тележке помещался серебряный поднос, а на подносе возлежала, поднимая и опуская бока, необъяснимых размеров серая жаба.

Мальчик, стоявший слева от Юстина, не выдержал и вскрикнул, на полмгновения опередив общий вздох удивления и ужаса.

Юстин видел, конечно, больших лягушек, но та, которую привезли на серебряном блюде, была размером с хорошую собаку. Бока ее – Юстин разглядел – были покрыты жесткой седой шерстью, влажная спина поблескивала, это обстоятельство чем-то роднило гигантскую жабу – и лысого человека, стоящего рядом.

Один из стражников с поклоном передал лысому простой глиняный кувшин с широким горлом. Откуда-то взялся лекарь в черном одеянии и черном же колпаке, поставил на пол объемистый саквояж, вопросительно воззрелся на лысого.

– Начнем, – сказал лысый надтреснутым скучным голосом. Вытащил из-за уха черное перо и нежно пощекотал жабью морду.

Дремлющая рептилия открыла оранжевые глаза. Выскочил, как на пружине, и задрожал в воздухе длинный и клейкий жабий язык.

– Подходить по одному, – сказал стражник, стоявший справа.

И, подхватив под руку, повлек навстречу жабе того самого тучного юношу, который из бледного сделался теперь синим.

Лекарь шагнул вперед, быстро завернул тучному юноше рукав – и блеснул ланцетом. Юноша охнул, в подставленный кем-то тазик звонко закапали капли. Юстин стоял сбоку – и поэтому отлично видел все.

Жаба поймала каплю крови на кончик языка – и язык спрятался. Лекарь тут же перехватил руку юноши широкой лентой пластыря; жаба совсем по-человечьи пожевала губами, потом широкая пасть открылась, и все – лысый, стражники, лекарь, Юстин – услышали глухое утробное:

– Да.

Тучный юноша мягко упал в обморок. Два стражника подхватили его и уволокли в дверь направо, в то время как лысый вытащил из своего кувшина что-то небольшое, извивающееся, и положил на требовательно вытянувшийся жабий язык. Прежде, чем жаба сглотнула, Юстин успел догадаться, что кормом ей послужил обыкновенный домохранец.

Навстречу жабе уже вели следующего – бородатого, который отвесил Юстину тумака. Лекарь завернул ему рукав, полоснул ланцетом – бородатый не дрогнул; закапала кровь, жаба слизнула каплю, подумала и изрекла:

– Нет.

Бородатого увели в дверь налево. Лысый предложил жабе домохранца, а стражники вели уже следующего Юстинового товарища, на ходу поддевая тому рукав...

Неровный строй волновался. Кого-то, успокаивая, огрели плеткой; Юстин стоял, разглядывая жабу, пытаюсь понять, страшно ему или нет.

Страшило всех одно – непонятно, что происходит. «Да»-»нет». Как тогда, когда Хозяин Колодцев бросал монетку. Будущее возникает ежесекундно...

– Я боюсь, – скулил мальчик.

Акир молчал.

Все происходило очень быстро. Строй у стены таял; жаба выдавала приговор то немедленно, едва получив каплю чьей-нибудь крови, а то задумывалась на минуту, и тогда лысый доставал из кувшина очередного домохранца и начинал соблазнительно вертеть у жабы перед глазами. Прошли странное испытание первые десять человек; три было «да», семь – нет. Прошли испытание двадцать; восемь было «да», двенадцать – нет. Юстин чувствовал, как нарастает волнение; он стоял сорок восьмым, перед ним к жабе отправился Акир, и, попробовав его кровь, жаба сразу же сообщила:

– Да.

Акир был семнадцатым из тех, кто отправился направо.

Юстин двинулся к лекарю сам – стражник просто шел рядом. Юстин протянул руку с уже подпернутым рукавом; лекарь, порядком уже усталый, полоснул ланцетом, но Юстин не почувствовал боли. Липкий жабий язык был совсем близко; Юстинова кровь, рубиново-красная, закапала в таз, брызги полетели на штаны – жаба не сразу нашла языком летящую каплю. Наконец, приняла кровь и сглотнула; Юстин ждал. В зале оставались только он – и напуганный мальчик за его спиной (не считая, разумеется, лысого, лекаря, стражников и жабы).

Лекарь залепил Юстинову руку пластырем.

Жаба молчала. Вокруг было очень тихо. Даже мальчик не всхлипывал.

Жаба молчала. Юстину впервые сделалось страшно в этом зале – страшно по-настоящему.

Лысый – от него пахло сладковато и неприятно – вытащил из почти пустого кувшина полудохлого придавленного домохранца. Юстин гадливо отстранился; домохранец был в обмороке, шесть его ножек безвольно болтались, когда лысый тряс приманкой перед полуприкрытыми глазами жабы.

– Нажралась, – шепотом сказал кто-то из стражников.

Лысый бросил бесчувственного домохранца обратно в кувшин. Вытащил другого – тоже примятого, но подающего признаки жизни. Юстин поразился – как он берет эдакую гадость руками?!

Новый домохранец вяло пискнул. Жаба открыла глаза.

– Да, – глухо сказал длинный рот.

И Юстина подхватили за плечи, и подтолкнули к проему двери направо.

* * *

Их набралось девятнадцать человек – тех, вкус чьей крови оценен был жабой как «да». Среди несчастных – или счастливчиков? – оказались и Акир, и тучный юноша, во время испытания упавший в обморок, и мальчик, представленный жабе последним.

Теперь с ними обходились если не почтительно, то по крайней мере вежливо. Повели в баню, потом накормили сытно и вкусно; когда Юстин получил обратно свою одежду, она оказалась выстиранной и высушенной. Одетые во все чистое, с чистыми пластырями на руках, отобранные жабой счастливчики – или все-таки несчастные? – оказались запертыми в просторной, богато убранной комнате, где на полу вместо соломы имелись ковры, а вдоль стен вместо лавок помещались высокие перины с подушками.

Никто ни о чем не говорил – не было сил. Товарищи по несчастью – или по удаче? – повалились на перины и долго лежали молча, глядя в пол и в потолок, за полчаса не было сказано ни слова – однако никто не спал.

Наконец, молчание нарушил тучный юноша со слабыми нервами.

– Меня скоро заберут отсюда, – сказал он, будто продолжая давно начатый разговор.

Никто не ответил. Молчали еще минут пять; Юстин сидел, привалившись спиной к стене, и разглядывал невольных своих товарищей. Самому старшему было лет двадцать восемь-тридцать, младшему, мальчишке, оказалось при ближайшем рассмотрении лет четырнадцать-пятнадцать – правда, страх и отчаянная жалость к себе делали его моложе на вид. Чем больше Юстин смотрел, тем сильнее ему казалось, что подросток чем-то похож на Акира. Будто брат; это было тем более странно, что они явно не были знакомы прежде.

– Я здесь случайно, – снова сообщил тучный.

Акир потрогал пластырь на руке. Поморщился.

– Не в войско нас забрали, – задумчиво сказал жилистый парень с оловянной серьгой, – ох, не в войско...

И обернулся к Юстину:

– Ну, ты... что ты там говорил? Про специальный приказ? Что знаешь?

– Ничего не знаю, – сказал Юстин, которому сделалось неуютно под восемнадцать требовательными взглядами. – Слышал... те, что везли меня, спрашивали, не натворил ли чего, не болтал ли в тавернах...

Восемнадцать лиц помрачнели. Каждый, по-видимому, пытался вспомнить за собой более-менее весомую вину; всеобщее раздумье оборвал Акир.

– Брехня, – сказал он без особой, впрочем, уверенности. – Если по крови судили... По крови! Значит, мы особенные. Перины постлали, ковры, стол накрыли, как благородным – значит, будет честь.

– Поросят тоже откармливают, прежде чем на нож насадить, – мрачно сообщил тонкогубый и тонколицый ровесник Юстина, тот самый, что вчера обозвал Акира пушечным мясом. Все притихли.

– Ты вот что, – обернулся к Акиру жилистый обладатель серьги. – А ты что там говорил насчет того, что Краснобровый жив?

На Акировом лице обозначилась внутренняя борьба. Наверное, ему очень хотелось пофорсить, порисоваться, дать понять, что знает больше прочих.

– Да так, – промямлил он наконец. – Слышал.

– От кого слышал?

Акир совсем скис:

– Да так... От людей каких-то.

– Трепло, – презрительно сообщил тонкогубый. Акир даже не глянул в его сторону.

– Это, вот что, – озабоченно начал жилистый. – Вот что... Кровь. Из вас кого-нибудь двухголовый змей кусал когда-нибудь?

– Иди ты, – обозлился почему-то Акир. – Типун тебе на язык.

– А меня кусал, – сообщил жилистый с мрачной гордостью. – Я вот подумал... Говорят, кого двухголовый змей с обеих голов цапнет – у того кровь меняется.

Юстин попытался припомнить, кусал ли его когда-нибудь двухголовый змей. Если и кусал, то в раннем детстве – потому что иначе столь значительное событие не могло бы забыться.

– Может, порча какая-нибудь? – неуверенно предположил кто-то. – Или зараза?

– Я тут ни при чем! – выкрикнул тучный юноша. – И змей меня не кусал, и порчи нет никакой, и я не заразный! У меня вот что... У меня отец – Краснобровый, это точно, моя мать у него в покоях служила, так что я наполовину князь!

Юноша замолчал. Беспомощно огляделся – на него устремлено было восемнадцать тяжелых взглядов, и ни один не обещал утешения.

– Это правда, – тихо сказал юноша. – Я Краснобрового даже видел однажды, вот как тебя! – и почему-то ткнул пальцем Юстину в грудь.

Сделалось тихо. Кто-то недоуменно вертел головой, кто-то сидел, выпучив глаза, будто увидев на стене перед собой Королеву наездников.

– Моя мать тоже в покоях служила, – сказал жилистый парень с серьгой после длинного, очень длинного молчания.

Все уставились на него, как будто он признался в пристрастии к человеческому мясу.

– И у меня, – неожиданно сообщил мальчик. – А когда я родился, ее выгнали.

Все взгляды переметнулись на мальчика.

Юстин понял, что ему холодно. Что мурашки дерут по коже, будто деревянная терка. Они сидели кружком – девятнадцать молодых мужчин – молчали и смотрели. Передавали друг другу взгляды, как передают ведра на пожаре.

Кто-то беззвучно спрашивал и надеялся получить ответ. Кто-то взглядом искал поддержки. Кто-то оценивал, кто-то примеривался.

Кто-то ничего не понимал, но таких было меньшинство.

– У меня, между прочим, тоже Краснобровый – отец, – медленно сказал тонколиций парень, предсказатель несчастий.

Жилистый обладатель серьги свирепо вскинул голову:

– А ну, у кого мать в покоех служила – поднимите руки!

Мальчик поднял руку сразу. И тучный юноша – тоже; прочие смотрели на жилистого, напряженно решая для себя, а стоит ли признавать за ним право распоряжаться.

Наконец, тонкогубый хмыкнул и поднял руку. И сразу пошли вверх, одна за другой, еще восемь или девять рук; жилистый пересчитал. Всего рук оказалось двенадцать.

– А ты? – жилистый обернулся к Акиру.

– А у меня мать никогда из дома не выезжала, – сказал Акир одними губами, и смуглое лицо его сделалось желтым. – А отец мой – охотник... Белку в глаз бьет.

Жилистый нехорошо усмехнулся. Взглянул на Юстина:

– А ты? Где твоя матушка Краснобрового повстречала?

– Вранье! – выкрикнул Акир, но жилистый не обратил на него внимания.

– Моя мать умерла, – сказал Юстин. – Давно.

– А ты? – жилистый обернулся к парню, сидевшему напротив и тоже не поднимавшему руки, а потом к следующему; как-то незаметно смирившись с тем, что жилистый имеет право задавать вопросы, ему отвечали. Трое, как Юстин, не помнили своих матерей, у одного мать была маркитантка в обозе, а у еще одного мать была крестьянка, нарожавшая мужу одиннадцать детей, и все, минуй нас несчастье, живые-здоровые...

– Братишки, – с нехорошим смешком сказал тонкогубый вестник несчастья. – Ну и рожи, покусай меня эльфуш. Что, и этот, – он кивнул в сторону тучного юноши, – и этот тоже – мой брат?

И щелкнул пальцами, будто сбрасывая со стола домохранца – жест, означающий крайнее презрение.

– У меня отец охотник, – тихо сказал Акир.

– Ага, – хмыкнул тонкогубый. – Расскажи это той жирной жабе.

Юстин сжал виски ладонями, но легче не стало. Он понял, давно понял, о чем говорили жилистый и тонкогубый. Он понял – и даже поверил.

Рекрутчина, вороны, страх. Вот что вспоминается при слове «Краснобровый».

«...Я брошу монетку, и никто не знает наверняка, как она упадет. Если выпадет мертвый князь...»

Дед – знал? Вряд ли.

– Понимаешь, – сказал Акир жилистому, очень серьезно сказал, без тени рисовки. – Я лучше буду верить своей матери, нежели какой-то жабе. Может быть, ты поступил бы по-другому – твое право...

Юстин понял, что незаметно для себя тербит пластырь на руке и уже треть его раздергал бахромой.

– Да сколько хочешь, – равнодушно отозвался жилистый. – Верь... Только вопрос весь не в том. Вопрос, братишки, вот в чем – на кой ляд нас собрали? В бане попарить?

– Прикончить, – с непонятым удовольствием сказал тонкогубый. – Так всегда делается. Когда свергают князя, то и детишек всех под нож – чтоб, значит, династию сменить начисто.

– Династию, а не династию, – шепотом сказал Юстин.

– Чего? – тонкогубый прищурился.

– Династию, – сказал Юстин. – А не династию.

– А ты откуда знаешь, ублюдок?

– От ублюдка слышу, – Юстин даже чуть-чуть усмехнулся. – Говорят, «Золотарь трубочиста пятнышком попрекает».

– Ты, может быть, даже грамотный? – после паузы поинтересовался тонкогубый.

– Может быть, – сказал Юстин.

– А-а, – тонкогубый отвернулся, будто потеряв к Юстину интерес.

– Ребята, – сказал Акир, окончательно растерявший всю свою браваду. – Ребята... Ну не может так быть. Не бастард я. И ты, – он ткнул пальцем в того парня, чья мать была крестьянкой и вырастила одиннадцать здоровых детей, – ты тоже... И ты, – Акир обернулся к Юстину. – Что же ты веришь так легко, что твоя мать...

И Акир запнулся. Смуглое лицо его сделалось медным из-за прилива крови.

– А то ты не знаешь, как это бывает, – сказал в наступившей тишине веснушчатый парень лет двадцати. – К нам на хутор Краснобровый ездил, как к себе домой. Кто из девок понравится – готово, родителей не спрашивает и колечек не дарит, тут-таки и свадьба на один день...

Акир замотал головой:

– Нет. Моя мать из дому не выезжала даже... Мой отец – охотник!

– Охотник, – хмыкнул тонкогубый. – Большой охотник до баб.

Акир вскочил и кинулся на тонкогубого; кто-то бросился разборонять, но по несчастной случайности получил в нос, разозлился и включился в драку на правах участника. Пролилась первая кровь; Юстин отошел в сторону, взял ведро с водой, стоявшее у порога, и опрокинул на дерущихся.

На него окрысились:

– Дурак! Домохранец вонючий!

Драка сменилась перебранкой. Юстин смотрел, как Акир вытирает разбитый нос, как у веснушчатого стремительно заплывает глаз, как жилистый, бранясь по-черному, пытается отжать полы мокрой рубахи – а перед глазами у него стояли яблоки, медленно валящиеся в высокую траву одно за другим.

И как трава покачивается, смыкаясь.

Теперь все смотрели на него.

– Я не хочу умирать, – жестко сказал Юстин. – Это вы, домохраний корм, можете друг другу носы разбивать. Давайте, лупите друг друга... Братья-бастарды, вас же отобрали, вымыли, накормили и в чистое переодели. Сказать, кого в чистое переодевают? И что с ним потом делают? Или сами знаете?

– Сядь, мальчик, – негромко сказал жилистый с серьгой. – Не отец семейства, чай, чтобы перед ужином добру учить.

– Ты тоже не отец семейства, – бросил Юстин. – И он, – кивнул на тонкогубого, стремительно теряющего этот свой признак из-за разбитой, быстро распухающей губы. – Тут не спорить, кто главный, тут выбирать надо, нас тут девятнадцать здоровых лбов...

Сделалось тихо. Жилистый медленно обводил взглядом «братьев-бастардов» – Юстин видел, как он молча вербует себе сторонников.

– У них сабли, – тихонько предположил веснушчатый, тот самый, на чей хутор Краснобровый ездил, как к себе домой. – И потом, дверь не выломать...

– Тебя как зовут? – спросил Юстин у жилистого.

Тот почему-то вздрогнул. Скривил губы:

– Ну, Радимом...

– Ты, Радим, не кузнец случайно?

– Ну, кузнец, – сказал жилистый после паузы. – А ты откуда знаешь?

– А сильный ты, – Юстин смотрел жилистому в глаза, лезть его была безыскусна, как бревно. – Посмотри, брат, мог бы *ты* эту дверь сломать?

Радим ответил взглядом на взгляд. Хмыкнул:

– Дешево же ты меня покупаешь, брат-бастард.

* * *

Они вспоминали расположение коридоров, загибали пальцы, считая стражников, предлагали, отвергали и соглашались, доказывали, спорили, но не дрались больше. Надо всеми висел один топор; Юстин скоро знал всех по именам, знал, кто чем слаб и в чем силен. Распорядился по-прежнему Радим – Юстин был при нем главным советчиком. Тонколищего вестника несчастья звали Уляном, сперва он отмалчивался, сидя в углу, но тень топора – и лихорадочная жажда спасения – в конце концов и его толкнули навстречу «братцам-бастардам».

Юстин, никогда не имевший настоящих друзей, в течение получаса обрел восемнадцать почти родных человек. Радим на поверку оказался не только тщеславным и сильным, но и умным, отважным парнем. Тучного звали Флором, у него обнаружилась необыкновенная память – он до последней мелочи помнил, кто из стражников на их пути где стоял, чем был вооружен и куда смотрел.

Этот длинный день представлялся Юстину одним из самых страшных – и самых лучших в его жизни. Ведь несмотря на страх смерти, несмотря на все, что пришлось пережить, а может быть, благодаря этому – они любили друг друга, как только могут любить настоящие братья. Почти у всех были невесты и жены, у некоторых – дети, у некоторых – старые матери; все знали, для чего жить, всем нужно было выжить, и Юстин, как мог, убеждал их в том, что спасение – возможно.

У Радима был годовалый сын, и Юстин поклялся брату, что если во время побега Юстин спасется, а Радим нет – то Юстин обязательно доберется до поселка Липы и расскажет все Радимовой жене, и передаст, что деньги зарыты в просмоленном мешке под елкой, и что ждать ей надлежит год, а потом выходить замуж, чтобы малый Ронька без мужской руки не рос...

Однако чем дальше готовился побег, тем яснее становилось, что Радиму сына не видать. Железную дверь не способны были снять с петель и сорок кузнецов, а не то что один. А если бы и удалось как-то выбраться из узилища – в узких коридорах девятнадцать невооруженных парней не имели никакого преимущества перед парой-тройкой вооруженных и обученных стражников.

Лихорадочное возбуждение сменялось унынием и готово было смениться тоской – когда за дверью послышались шаги, скрежетнул засов и на пороге встал некто в черном, одеждой похожий на лекаря, но с саблей на боку. Пришелец был гладко выбрит, голубоглаз, улыбался широко и жестоко; девятнадцать братьев-бастардов попятились, кто сидел – вскочил, что стоял – отшатнулся.

– Здравствуйте, мальчики, – весело сказал вошедший.

У него были длинные светлые волосы, зачесанные назад и собранные в косичку. И еще у него были крупные, не прилегающие к голове уши.

– Надеюсь, вас никто тут не обидел? – поинтересовался незнакомец все так же весело; знакомые слова в его устах звучали непривычно, хотя и вполне разборчиво.

Бастарды молчали. Переглядывались; за спиной у незнакомца стеной стояла стража.

– Вы уже догадались, зачем вы здесь? – спросил длинноволосый.

Юстин с тоской смотрел через его плечо. Стражников собралось человек десять, а может, и больше. Попытка побега была обречена.

– Что ты там увидел?

Юстин не сразу понял, что вопрос обращен к нему. Отступил на шаг; веселые – и очень холодные – глаза незнакомца глядели ему в переносицу.

– Я не люблю, мальчик, когда заглядывают мне за спину, – с улыбкой продолжал длинноволосый. – Мое имя – Звор... Ушастый Звор, если кто-нибудь из вас слышал.

* * *

– Краснобровый, князь ваш, умер. У всех у вас в жилах течет кровь Краснобрового. Каждый из вас может стать его наследником...

Вероятно, сейчас последует приговор; Юстин сидел, не поднимая головы.

– ...Я хочу, чтобы на трон взошел человек, в чьих жилах течет кровь династии Краснобровых. Такова традиция; никто, даже самый умный враг, не сможет назвать нового владыку самозванцем. Законных детей у князя не было, зато, по счастью, он много оставил бастардов, здоровых и крепких, вменяемых и разумных, и одному из них предназначено стать властителем... Вы слышите меня, мальчики? Это может быть любой из вас: ты, – Звор кивнул тучному Флору, – или ты, – тонкий палец почти уткнулся в грудь Радиму, – или ты, – он мягко улыбнулся подростку.

Сделалось тихо.

Они сидели вдоль стен, Ушастый мягко ступал, расхаживая взад-вперед, время от времени его взгляд останавливался на чем-нибудь лице – и тогда тот, кто удостоился Звора внимания, краснел, бледнел и отводил глаза.

Им требовалось время, чтобы осознать. Слишком много ударов судьбы обрушилось на каждого из них за прошедшие два дня; попасть в рекруты, оказаться бастардом, пережить страх смерти и сразу после этого оказаться наследным принцем – даже Радим, чьему самообладанию Юстин завидовал, сидел теперь бледнее непропеченного блина и часто сглатывал, дергая шейю.

– Итак, – Звор остановился. – Итак, кто из вас не хочет быть князем? Кто не хочет доказывать свое право на трон? Встаньте!

У Юстина задрожали колени.

Отпустите, меня ждет дед, ярмарки еще не кончились, мне нужно домой...

Все эти слова должны были быть сказаны именно теперь, Юстин должен был встать – и громко сказать их в лицо полководцу, приказавшему выковать на своем шлеме стальные уши, чтобы любой солдат в бою мог видеть его и следовать за ним...

Скрипнула скамейка.

Но никто не поднялся.

* * *

«Он красивый», – сказала Анита далеко-далеко, давным-давно.

Падали яблоки в траву. Покачивались гроздья черешни; мелькали в ветвях круглые пятки.

«Я ходила через стеклышко к Звору в парк. Один раз с ним говорила... У него действительно большие уши. Но он все равно красивый...»

Юстин лежал без сна, закусив зубами подушку.

Когда укладывались на ночь, Радим сказал ему, будто ненароком:

– Ты один теперь знаешь, где я деньги зарыл. Так что если недосчитаюсь...

Юстин не понял:

– Что?

– Деньги под елкой, – жестко сказал Радим. – У меня дома, в поселке. Так ты учти – ты один знаешь...

Юстин долго смотрел на него. Потом отвел глаза; не нашелся даже, что сказать. «Подавись ты своими деньгами»? Унизительно.

Юстин знал, что Радим хочет быть князем больше всех. И тучный Фрол хочет быть князем больше всех; и каждый из них хочет быть князем, а на пути к трону стоят ни много ни мало – восемнадцать других претендентов, восемнадцать братьев...

Юстин лежал, закусив подушку, и думал об Аните.

Это была будто ниточка между нам – и Звором. Ушастый тоже видел Аниту, пусть и однажды. Может быть, он ее помнит...

Может быть, став князем, Юстин сможет вернуть Аниту?

Его бросило в пот. От частых ударов сердца подпрыгивала простыня, которой он был укрыт. Он возблагодарил судьбу за то, что у него хватило ума не отказаться от борьбы за трон – побуждение это было слабостью, трусостью.

Что такое князь? В своем княжестве князь может все. Может, например, разыскать колдуна, потребовать от него, чтобы нашел Аниту... Да если Юстин станет князем – с какой стати Хозяину Колодцев отказывать ему?!

Юстин разжал зубы, выпуская край подушки. Во рту стоял вкус полотна и перьев; Юстин подумал, что на пути его к трону – и к Аните – стоят восемнадцать человек.

* * *

– ...Давай же! Пошла! Пошла, скотина, вперед!

(Это было последнее испытание. В крытой повозке их привезли на большое поле, обнесенное свежим забором. В центре стояло на возвышении одинокое кресло для Звора. У ворот имела коновязь, к ней были привязаны две клячи – старые, тощие, с разбитыми копытами, но под хорошими боевыми седлами).

– Вперед!

Свист плетки. Ржание – будто стон.

(– Ну вот, ребята, – сообщил Звор, останавливаясь перед последними из братьев-бастардов. – Вы у нас оба отважные и умные, обладатели многих бесценных качеств... Видите это поле и этих лошадей? Вам надлежит проехать каждому по десять кругов. Кто придет первым – будет княжить).

Юстинова кляча вырывалась вперед только тогда, когда он поддавал ей шпорами. Та соседская скотина, на которой Юстин одно время возил на базар яблоки, была еще ничего по сравнению с этой несчастной лошадиной старухой; он мысленно поклялся, что если победит и если кляча выживет – остаток дней ее пройдет в покое, холе и сытости.

И он шпорил снова и снова. И хлестал по бокам кнутом, и всякий раз лошадь содрогалась – и прибавляла шагу.

Он слышал, как свирепо кричит на свою клячу Радим.

Из девятнадцати их осталось двое. Испытания заняли неделю, которая показалась Юстину годом; им задавали мудреные задачки и каверзные вопросы, их до одури поили какими-то зельями, с ними подолгу беседовал тот самый лысый, что кормил жабу домохранцами – и всегда во время бесед где-то поблизости обретался Ушастый. Им велели по многу раз выбирать между двумя совершенно одинаковыми статуэтками, им показывали нагих соблазнительных толстух, их пугали до смерти и потом считали удары сердца – и после каждого испытания претендентов становилось все меньше, и вот наконец остались только Юстин и Радим.

Пять кругов пройдено; клячи едва шевелили ногами, однако полпути уже осталось позади.

– Пошла! – кричал Радим и бранился.

– Пошла! – кричал Юстин и бранился тоже.

Ощущение, что именно он будет-таки князем, не покидало Юстина со вчерашнего дня. Это было не просто ощущение – уверенность; Юстин не радовался этому и не удивлялся. Он просто знал.

Наверное, накануне последнего испытания Радим чувствовал его уверенность – и потому был настроен, как кулачный боец перед схваткой. Наверное, из Радима вышел бы хороший князь – азарт и вдохновение предстоящей борьбы делали его простецкое лицо величественным и почти красивым.

– Пошла!

Юстин дал шпоры. Кляча не рванулась вперед – только содрогнулась и застонала.

Разбитые копыта ее ступали все медленнее. Почему, в который раз подумал Юстин. Почему для этого последнего состязания им не дали хороших коней? Что, в войске Ушастого перевелись лошади?

Нет, не перевелись. Но для состязания специально выбрали самых старых и немощных. Уж не для того ли, чтобы унижить претендентов? Чтобы о будущем князе говорили – он выиграл скачку на полудохлом одре?

– Пошла, – сказал Юстин умоляюще. – Ну пожалуйста. Давай, осталось немного...

Радим опередил его уже на четверть круга. Юстин взмахнул новым кожаным кнутом – но не ударил.

Кляча дрожала крупной дрожью. Капала в пыль тягучая слюна. Мокрые бока поднимались и опадали. На шкуре видны были полосы от предыдущих прикосновений хлыста.

Радим опередил Юстина уже на полкруга! Юстинова уверенность, что именно он станет князем, вдруг потускнела и сморщилась, как проколотый бычий пузырь.

– Давай же!

Лошадь едва тащилась. Юстину ни с того ни с сего вспомнился мертвый Огонек у порога, и как дышал дед, когда его избил вербовщик...

Сзади налетел Радим. Молодецки присвистнул; непрерывно шпоря свою клячу и без усталости нахлестывая ее, он опередил Юстина уже на целый круг.

Юстин понял, что проиграл.

Почему им велели скакать на клячах? Нет, не для того, чтобы унижить. Каждое предыдущее испытание имело свой смысл – пусть Юстину не всегда удавалось разгадать его, но он был. Звор ничего не делает без смысла; вероятно, по его задумке будущий князь должен добиваться цели любой ценой, и если во время скачки придется до смерти загнать лошадь – так тому и быть...

Радиму оставалось проехать два круга. Юстину – четыре. Он не скакал – тянулся, не решаясь коснуться шпорами впалых окровавленных боков, не решаясь ударить, да и зачем, все равно Радима уже не догнать...

Когда Радим пересек черту в десятый раз, Юстин сразу же слез с лошади. Она стояла, опустив голову, глядя на него мутными старческими глазами; в этих глазах не было благодарности, только упрек.

Радим бросил повод, скинул руки, будто намереваясь схватить в ладони солнце. Лошадь под ним зашаталась и рухнула, и забилась в конвульсиях – Радим выбрался из-под тяжелого тела, прихрамывая, двинулся к возвышению, на котором стояло кресло Звора; по мере того, как он шел, грудь его все больше выдавалась вперед, подбородок поднимался выше, это шагал не кузнец и не бастард, а молодой князь, и стражники, заметив эту перемену, расступились почтительно и даже подумывали, кажется, а не поклониться ли?

Юстин подошел и остановился в стороне. Радимова лошадь перестала дергаться, окончательно обратившись в падаль.

– Молодец, – сказал Звор Радиму, – ты победил, значит... что ж. Теперь отдыхай, готовься... Я распорядился – тебя отвезут во дворец.

Вероятно, Радим ждал поздравлений, каких-то более теплых и уважительных слов. Он замешкался, а потом, решив, видимо, что его княженье только начинается и разгуляться он еще успеет – все той же величественной походкой пошел за приставленным к нему в сопровождение стражником.

Юстину показалось, что о нем все забыли. Он уже подумывал, не сбежать ли под шумок – когда Звор поднялся из кресла, и голубые глаза его остановились на Юстиновой переносице.

– Поди сюда, – Юстин скорее прочитал эти слова по губам, нежели услышал их.

Бежать было некуда. С неприятным предчувствием Юстин подошел и остановился в двух шагах от Звора.

Глаза Ушастого были такими светлыми, что казались кусочками зеркала, отражающего небо. Юстин подумал, что этот вот красивый человек с большими, как лопухи, ушами вел в атаку войска, выигрывал битвы и собирал генералов к себе в шатер, и что он, Юстин, мечтал увидеть его хотя бы раз в жизни, перед боем, хотя бы над верхушками копий.

И что у него был шанс стать с ним вровень. Стать князем. Как странно; кто бы ему сказал восемь дней назад, что он станет сожалеть о княжьем венце, уплывшем прямо из рук...

– Почему ты не стал бороться? – спросил Звор. – За победу?

Юстин не знал, что ответить. Он в первый раз в жизни разговаривал с Ушастым вот так, лицом к лицу.

– Уж не лошадь ли ты пожалел? – Звор чуть заметно усмехнулся.

– Нет, – быстро сказал Юстин. – Конечно, нет.

– А почему, как ты думаешь, хороший князь не должен жалеть лошадей?

– Я не знаю, – сказал Юстин беспомощно.

Звор некоторое время разглядывал его. Потом кивнул:

– Пойдем...

И зашагал к своей карете. Юстин тащился следом, не зная, куда себя деть, и, мельком оглядываясь, искал пути к отступлению, однако бежать было по-прежнему некуда.

Звор вошел в карету (дверь открыл и опустил ступеньку слуга). Юстин замешкался.

– Сюда, – сказали из бархатной полутьмы. – Иди сюда, неудачник, я тебе что-то скажу...

И Юстин впервые в жизни влез в карету. Опустился на мягкое сидение. Карета тронулась, но так легко, что Юстин почти не почувствовал толчка.

Звор сидел напротив. Ветер из приоткрытого окна теребил шелковую занавеску с гербом Краснобрового.

– Так почему хороший князь не должен жалеть лошадей? – снова спросил Ушастый.

– А чего их жалеть? – сумрачно спросил Юстин.

– Вот и неверно, – Звор потрогал мочку своего огромного уха. – Хороший князь, как и полководец, обязательно должен жалеть лошадей... Обязательно. Людей еще так-сяк, но лошадей – всенепременно. Понял?

* * *

На террасе бил фонтан, в чаше его цветными лепестками плавали красные и желтые рыбки. Герб Краснобрового, вышитый шелком на темной тяжелой скатерти, был во многих местах закрыт донцами тарелок, бутылок и блюд.

– Завтра примешь княжение, – неторопливо говорил Ушастый. – Дела мои здесь закончены... Людей тебе оставлю. И посоветую, и научат. Пей. Отдыхай.

– Мне надо деду весточку передать, – сказал Юстин. Серебряная вилка в его руках была причудливо изогнута, и Юстин продолжал сгибать и разгибать ее, сам того не замечая. – Мне надо деду дать знать, что я живой... И что я князь.

– Ты еще не князь, – Ушастый отхлебнул из кубка. – Ты завтра будешь князь. Вот тогда хоть приказ подписывай, чтобы деда твоего разыскали и с почестями доставили, хоть сам к нему поезжай... Вилку оставь. А впрочем – гни, твое право, хоть все вилки переломай здесь, твое добро, не мое...

И Ушастый улыбнулся. И Юстин понял, что если сейчас не возьмет себя в руки – хлопнется в обморок, как толстяк Флор перед жабой.

Он поднялся. Пошатываясь, подошел к фонтану. Перегнулся через бортик и сунул голову к рыбкам. В воде раскрыл глаза; дно фонтана было мозаичным, и на нем изображена была сцена купания толстомясых белокожих девиц.

Юстин выпрямился – капельки холодной воды приятно щекотали шею, стекали за ворот новой шелковой рубашки. Он виновато оглянулся на Звора, однако Ушастый вовсе не был раздосадован Юстиновой вольностью – наоборот, улыбался.

– Сделай так, – Звор щелкнул пальцами.

Юстин повторил его жест. Откуда ни возьмись выскочил слуга – и с поклоном протянул Юстину полотенце.

Юстин почувствовал себя человеком, проглотившим солнце. Как будто светило мягко распирает его ребра, теплый шар изнутри толкается в грудь, намереваясь взлететь во что бы то ни стало и поднять с собой Юстина. Спрятав лицо в нежный ворс княжеского полотенца, он только сейчас – спустя несколько часов – полностью осознал, что произошло с ним, и что за жизнь ждет его, начиная с завтрашнего дня.

Он заберет во дворец деда. И, конечно, он разыщет Аниту – и сделает ее княгиней.

Он сравнялся с Ушастым Звором. На которого мечтал когда-то посмотреть хоть мельком.

Правда, Звор держит свою судьбу в собственных руках, а он, Юстин, пока что просто ставленник, счастливчик, которому повезло больше других...

Он проглотил слюну, будто пытаясь уgomонить внутреннее солнце, загнать его ниже, в желудок. Вернулся к столу; кубок его был полон. Юстин отхлебнул и закашлялся.

– Можно... спросить?

– Разумеется, – кивнул Звор.

– Эти... люди, – начал Юстин. – Бастарды... Радим... Акир... Флор... Где они сейчас?

Ему показалось, что огромные уши его собеседника чуть шевельнулись.

– А ты как думаешь? – поинтересовался Звор.

Юстин молчал. Ему сделалось страшно. Внутреннее солнце сжалось в точку и потемнело, как уголек.

– Я не знаю, – проговорил он медленно.

– Ну вот ты – без пяти минут князь... Где, по-твоему, они должны быть? Если мудро, по-княжески, рассудить? Как лучше для будущего, для страны?

– Мудро, – Юстин опустил голову. – Если мудро... то конечно. Для будущего... Чтобы усобиц не было. Да. Но понимаете, – он вскинул на Звора умоляющие глаза, – ведь они же ни в чем не виноваты! Разве может князь казнить невинных?!

Звор улыбнулся. Голубые его глаза сделались чуть темнее; Юстину показалось, что он сейчас подмигнет.

– Разумеется, нет, – мягко сказал Ушастый. – Разумеется, казнить невинных – не дело... Я не ошибся в тебе, Юстин, ступай отдыхать, завтра тяжелый день... Ступай.

* * *

Он ночевал в княжеской спальне. И, разумеется, не мог сомкнуть глаз.

Величественно ниспадали портьеры. Мерцали ночные светильники. Пахло розовым маслом, но не приторно и душно, а так – чуть-чуть.

Юстин лежал на высокой постели, под шелковыми простынями, на пуховых подушках, будто на облаке.

Мысли его были не мысли, а картинки. Он видел лицо Радима – как он теперь? Что чувствует, узнав, что удача в последний момент отвернулась?

Надо будет разыскать его и взять к себе... советником? Много же кузнец назовет. Полководцем? Но он ведь, кроме дубины, и оружия в руках не держал... Он злится на Юстина, он завидует Юстину, не надо его разыскивать, пусть себе работает в своей кузне...

Под сомкнутыми Юстиновыми веками высвечивались и снова терялись в темноте фонтан с золотыми рыбками, лицо деда, когда дед узнает, что Юстин князь, лицо Аниты, когда вот здесь, в этой комнате, он обнимет ее на этих вот перинах...

И он обнимал пуховую подушку, тонул в ней лицом, бормотал что-то неразборчиво даже для самого себя, катался по постели и понимал, что надо спать, надо достойно пережить эту ночь, ведь завтра – церемония, завтра Звор опустит венец на его голову и перед всей страной признает законным наследником Краснобрового, князем...

Ему показалось – или пламя ночных светильников действительно заколыхалось? И откуда-то потянуло вдруг холодом, будто приоткрыли дверь в глубокий погреб?

Он сел на постели. Ему привиделся Радим, прокрадывшийся в княжеские покои через потайную дверь – с топором.

– Кто здесь?!

– Я.

Нет, это не был Радим. Юстин в ужасе завертел головой; в углу спальни стояла высокая фигура, и полутьма рядом сгущалась, превращаясь во тьму.

– Это я, господин будущий князь, – в голосе Хозяина Колодцев была насмешка. – Не пугайся. Я здесь по договору со Звором.

– Нам можно пожениться?! – Юстин спустил с кровати босые ноги. – Нам – можно? Ведь теперь я князь... Анита...

– Ты еще не князь, – Ос вольно или невольно повторил слова Ушастого. – Будешь князем – завтра... Но сперва я войду в твою душу и оставлю там красный шелковый флажок. Звор заплатил мне – не деньгами, конечно...

– Анита... Что?!

– Это условие твоего княжения. Флажок в твоей душе будет нечувствителен для тебя, однако ты никогда не сможешь поступить – или помыслить – против воли Ушастого. Ты был червячком, он сделал тебя князем – ведь он может рассчитывать хотя бы на верность, не так ли?

Юстин сидел, не касаясь ступнями ворсистого ковра. Тонкая ночная сорока медленно прилипала, приклеивалась к холодной мокрой спине.

– Погодите, – сказал он шепотом. – Но я ведь и так буду верен Ушастому... У меня и в мыслях не было предать его!

– Сейчас ты молод, – возразил Хозяин Колодцев, делая шаг вперед, плывя сквозь зыбучее пространство, будто капля масла по поверхности воды. – Сейчас ты наивен... Твои клятвы легки... и легко забываются. Флажок – вечен... Тебе придется некоторое время смотреть мне в глаза.

– Я должен буду впустить вас в свою душу? – в ужасе спросил Юстин.

– Тебе нечего бояться. Я всего лишь оставлю там красный шелковый флажок. Незаметный, размером с ореховую скорлупку. И ты не изменишься ни на волосок, ты останешься собой.

– Я не впускаю вас, – сказал Юстин, отодвигаясь назад.

– Но ведь ты хочешь быть князем?

– Но я и так верен Звору! Он ничего не говорил про...

– Звор очень мало говорит, гораздо больше делает. Ты хочешь быть князем?

– Хочу!

– Тогда ты должен принять флажок.
Сделалось тихо. Огоньки в ночных лампах едва тлели.
– А если я не приму? – шепотом спросил Юстин.
Темная фигура покачнулась:
– Тогда я уйду... Князем станет другой юноша. Его имя Радим, он сейчас в темнице...
– В темнице?!
– Да. А прочие мертвы, и ты тоже будешь мертв. Потому что мудрый князь никогда не оставит в живых претендента на трон столь же законного, сколь и он сам...
– Это неправда!
– Ты сам сказал об этом Звору. Ты сам понял смысл этого жестокого, не спору, поступка... Кто говорил тебе, что быть князем – просто?
– Никто не говорил, – сказал Юстин, внезапно чувствуя полное спокойствие. И – пустоту. Хозяин Колодцев снова шагнул вперед – и одним движением переместился через всю комнату, оказался прямо перед Юстином:
– Ты боишься. Ты струсил. Ты как ребенок, впервые увидевший лекаря.
– Я не боюсь, – сказал Юстин, понимая, что врет.
– Сейчас решается, быть тебе князем или червяком. Мертвым червяком. Думай.
Юстин посмотрел на окно. За парчовыми занавесками обозначились очертания башен на сереющем небе, потускнела звезда, всю ночь глядевшая в окно.
Розовый запах растаял, сменившись запахом сырости. Мокрого камня.
– Я подумал.
– Ты готов?
– Нет, – сказал Юстин. – Я не буду.
– Не будешь князем?
– Не буду человеком, в чьей душе побывал чужой. Не буду подставкой для красного шелкового фляжка. Не буду убийцей своих братьев...
– Значит, ты мертв. Кузнец Радим – князь.
– Пусть так, – сказал Юстин.
И ничего не почувствовал.

* * *

В конце галереи стоял стражник. Юстин отпрянул; стражник насторожился, но Юстина не заметил.

Утренний ветер был неожиданно холодным. А может, холодным было дыхание ямы, в которую Юстин неудержимо валится?

Он вернулся в княжьи покои. Звор не был простачком – у каждой двери поставил стражу. Почивающему на перине князю она не была заметна, но вот беглец, ищущий пути к спасению, не мог отыскать ни мышиной норки, ни щели, и даже каминная труба была перегорожена решеткой.

Юстина трясло. От мысли об открытом поединке со стражей пришлось отказаться – он не настолько ловок и умел, чтобы напасть совершенно беззвучно, а значит, сразу поднимется тревога. Впрочем, думал Юстин, если через полчаса выход не будет найден – придется драться. Лучше погибнуть в поединке, или свалиться из окна, но не ждать развенчания, тайной казни в каком-нибудь темном каземате, это слишком мучительно, в один день получить все – и все, вместе с жизнью, потерять...

Звор, шептал Юстин, обхватив себя за плечи. Но Звор!.. Все братья-бастарды – Акир, Флор, Миха, тот мальчишка – все они мертвы, мертвы...

Он понимал, что Звор действует безукоризненно правильно. От такого понимания хотелось лезть на обшитую парчой стену.

Хозяин Колодцев уже передал Ушастому, что Юстин не годится в князя? Если да, то где же стража? Если нет – чего он ждет? Рассвета?

На тяжелых дверях не было замков. Юстин не мог даже запереться в комнате, прожить в осаде лишних несколько часов...

Может быть, он действительно струсил, как ребенок при виде лекаря? Может быть, еще не поздно все вернуть?

Юстин взялся за ворот сорочки. Но Звор, Звор... Юстин хранил бы верность Звору безо всякого флага... Хранил бы, жизнь бы отдал за великого человека; еще вчера вечером он был в этом совершенно уверен – до того, как узнал правду о судьбе братьев-бастардов... Но вдруг для того, чтобы хранить верность Звору, и в будущем приходилось бы убивать, казнить, отдавать людоедские приказы, идеально соотносящиеся с государственным благом, с неписанным законом большой власти...

Юстин рванул воротник, будто желая выдернуть из себя душу. Хуже, чем домохранца на грудь... впустить в себя шелковый флажок, неслышно отдающий приказы, кладущий невидимую грань, за которой решение Юстина – уже не решение Юстина, и все, что с малых лет казалось добром или злом, за этой гранью перестает иметь значение. Верность Звору, вот единственное добро за этой гранью. Верность Звору...

Юстин зубами взялся за конец простыни. Рванул; ткань расползлась двумя широкими полосами. Юстин рвал и рвал, давая выход отчаянию и обиде, скоро простынь превратилась в четыре длинные ленты, Юстин связал их одна с другой, все три узла намочил водой из умывального кувшина, получилась веревка, годная для того, чтобы спуститься на землю из окна. Вот только окно забрано решеткой, и замок на ней Юстину не сломать. Он знал это, когда принимался рвать простыни, просто ему нужно было что-то делать – что-то осмысленное, указывающее хоть призрачную, но дорогу к спасению...

Юстин вздохнул. Плотнее сдвинул створки дверей, ремнем связал ручки, затянул как мог крепко. Хотя бы так.

Маленькую дверь на лестницу запер ножкой тяжелого стула.

Лег на кровать. Вытянулся. Закрыл глаза.

Подумал об Аните. Об эльфусах, о яблоках...

Небо за окном стало совсем светлым, когда кто-то без стука рванул дверь. Ремень не позволил створкам распахнуться.

– Эге, – сказали за дверью. И рванули снова.

Заплясал стул, чья ножка служила засовом потайной двери. Кто-то рвался к Юстину в гости.

– Открывай, – устало сказали за дверью. – На коронацию пора, князь.

Створки дернулись снова. На этот раз между ними обнаружилась щель; в щели блеснуло длинное лезвие, полоснуло по ремню...

Холодные пальцы схватили Юстина за запястье. Он чуть не заорал от неожиданности.

– Держи, – сказала Анита. – Посмотри на солнце!

В кулаке у него оказался осколок закопченного стекла. С острыми краями – Юстин сразу же порезался.

Дверь распахнулась. Аниты уже не было рядом; Юстин не успел сказать ни слова, а его уже брали под руки, уже куда-то вели, вывели на галерею; небо подернуто было перышками облаков, низкое солнце едва угадывалось за серой пеленой. Никто не говорил ни слова, да и потребности такой – о чем-то говорить – ни у кого не возникало.

Юстина вели через двор – к башне. Темница, подвал, туда никогда не достигают солнечные лучи...

Осколок стекла все еще был у Юстина в кулаке. Никто не заворачивал ему руки за спину – будто подразумевая, что он сам выбрал свою судьбу и теперь волен без принуждения идти навстречу смерти...

– Погодите, – сказал Юстин хрипло. – Одну минуту... Только на солнце посмотреть...

Стражники переглянулись.

– Смотри, – с плохо скрываемым сочувствием сказал тот, что был, по всей видимости, старшим.

– Солнца-то нет, – сказал другой.

– Сейчас выйдет! – пообещал Юстин. – Одну минуту!

– Нам нельзя тут стоять, – сказал старший стражник.

– Но оно сейчас выйдет! – сказал Юстин.

Сперва будто искорка прорвалась за край облачного покрывала. Потом – кусочек диска.

И в следующую секунду Юстин увидел светлый небесный круг сквозь осколок закопченного стекла.

* * *

Он лежал на теплой земле, затылок упирался в твердое. Трещали кузнечики.

Он полежал немного – и сел.

Под ним была могила. Не очень давняя. Он вскочил; на могильном камне было грубо вытесано его имя.

Юстин вздрогнул и огляделся.

Да, эту могилу он вырыл своими руками, спасаясь от вербовщиков Краснобрового. И получилось так, что Краснобровый – мертв, а он, Юстин, вот уже несколько раз побывавший в прихожей у смерти – жив...

Он посмотрел на свою ладонь. Закопченного осколка не было – были порезы и запекшаяся кровь.

За деревьями виднелся дом. Юстин сперва пошел к нему, потом побежал. Навстречу ему выскочил щенок-подросток и сперва залаял, а потом узнал; дед, месивший глину в старом корыте, обернулся. Подслеповато сощурился.

Комья свежей глины налипли на шелковую княжью сорочку. Дед, не обнимавший Юстина с тех пор, как он стал взрослым, теперь намертво заключил его в белые, пахнущие глиной объятия.

Часть третья

* * *

Поздней осенью Юстин встретил Королеву Наездников.

Это было время долгих ночей, время сухого шороха и далеких огней, видимых с холма сквозь голые ветки деревьев. Юстин перебрался из шалаша в заранее обустроенную землянку – с лежанкой, печкой и дымоходом. Много дней он жил один, прячась ото всех, промышляя охотой и рыбалкой, подбирая хлебные «гостинцы», которые дед оставлял для него в условленном месте, и только редко-редко, если уж станет совсем невмоготу – наведываясь по ночам домой.

Он знал, что его ищут. И что за дедом наблюдают, тоже знал. И знал, что в последнее время слежка стала менее пристальной – может быть, Ушастый Звор – и за ним князь Радим – поверили, что Юстин либо сгинул совсем, либо обретается в чужих землях?

– Звор уехал, – шепотом пересказывал дед добытые для Юстина новости. – У него новая война, на этот раз на западе... Ему, вишь, все воевать надо... А новый князь тише воды, ниже травы. Все по-Зворовому продолжается, какие он указы издал – такие и остались... Оно и понятно, с флажком-то в душе особо не посамовольничаешь...

Юстин кивал, потирая ребра. Слева в груди покалывало – привычно уже, несильно, будто тупой иглой.

– А Хозяин-то Колодцев знает, где ты, – еще тише шептал дед. – От него не скроешься... Но Звору не выдал. Звор ему за флажок заплатил, не за шпионство... А знаешь, *чем* Хозяин Колодцев плату принимает?

– Не знаю и знать не хочу, – шептал в ответ Юстин.

И дед замолчал.

Он сочинял Юстину обереги – от случайного глаза, от недоброго помысла. Давал семена-обманки: бросишь такое в землю, и вырастет дерево, с виду старое, лет пятидесяти, и простоит сутки или двое, а потом распадется трухой. Такими обманками кого угодно с толку можно сбить: придет человек в знакомый лес – а лес-то другой совсем...

Силки и ловушки, сооруженные дедом, помогали Юстину прожить если не сытно, то хотя бы не голодно. Другое дело, что лесовики не любят заговоренных силков: рвут их, путают, поганят пометом. От лесовиков у Юстина была соль пополам с волчьим порошком.

Близилась зима. В первое утро, когда выпал иней, Юстин пошел проверять ловушки – и встретил в лесу Королеву Наездников.

Под ногами не шелестело, как обычно, а похрустывало и даже позвякивало. Юстин вышел на поляну – и увидел девочку лет четырех, в зимней меховой безрукавке, но простоволосую, с длинной светлой косой, небрежно перекинутой через плечо. Он уже открыл рот, чтобы спросить, откуда в лесу ребенок и не заблудился ли он – когда вдруг увидел на высоких девочкиных сапожках шпоры с алмазными звездами.

Юстин замер с открытым ртом, а девочка смерила его внимательным взглядом – и вдруг расхохоталась звонко, на весь лес:

– Умора! Тебе могилу вырыли, а ты живой!

– Ты думаешь, это смешно? – шепотом спросил Юстин.

Девочка перестала смеяться, шагнула вперед, Юстин сразу вспомнил все страшные дедовы рассказы – и уже ни на что не мог смотреть, кроме маленьких шпор, сияющих, как полуденный лед. И, кажется, уже чувствовал из на своих боках...

– Та, которую ты ждешь, скоро придет к тебе, – сказала Королева Наездников. – Она уже в пути... Йях-ха!

Юстин услышал шорох за спиной и успел пригнуться. Из кустов сиганул через Юстинову голову огромный волк; девочка вскочила на него верхом и всадила шпоры в бока:

– Йях-ха! Прощай!

Беззвучно качнулись заиндевелые ветки.

* * *

Вернувшись к землянке, он сразу понял, что здесь кто-то был. Первым побуждением было бежать прочь сломя голову; он отступил к толстому дереву у тропинки, наложил на лук стрелу – и долго оглядывался, прислушивался и принюхивался, пытаясь определить: где засада?

Засады не было. Сквозь голые ветки было видно и тропинку, и вход в землянку, и замаскированный из нее выход, который Юстин устроил, как лис, на всякий случай. Если кто-то где-то и прятался – то только внутри, а там больше двух человек не поместится...

Не опуская лука, Юстин подошел ближе.

– Кто здесь?

Деревянная дверь медленно отворилась. В низком проеме стояла, пригнувшись, круглолицая девушка с короткими, до плеч, светлыми волосами.

«Та, которую ты ждешь, скоро придет к тебе. Она уже в пути...»

Королева Наездников никогда не лжет.

* * *

– Я соврала тебе, – сказала Анита.

– Но ты ведь спасла мне жизнь...

– А перед этим я соврала тебе. Прости, а?

– Но ты ведь спасла мне жизнь!

Они лежали, обнявшись, и вокруг была темнота.

– Я помнила тебя каждый день, – говорила Анита. – Я вспоминала тебя каждый час...

– Ты убежала от отца?

– Нет... Я еще не научилась убегать от него, но когда-нибудь научусь...

– Но он знает, что мы вместе?!

– Да... Он знает.

– Значит, нам надо прятаться?

– Я еще не научилась прятаться от моего отца... Даже круг, нарисованный Ножом Забвения, больше не помогает...

– Значит...

– Это мой отец велел мне принести тебе стекло.

– Как?!

– ...ничего не знала о тебе, не знала, что с тобой, не знала, где ты... Отец запер меня.

– Как...

– ...А потом он сказал, что тебя собираются убить, и что если я хочу – могу отнести тебе стекло, которое уведет тебя от смерти... – она счастливо рассмеялась. – Хочу ли я... Если я хочу...

– Ты успела в последний момент, – сказал Юстин, с трудом переводя дыхание. – Но потом... куда ты исчезла потом?

– Тысячу раз в день я говорила ему, что рано или поздно убегу снова.

– Убежала?

– Я теперь буду с тобой... всегда. Он разрешил.

– Что?!

– Он разрешил. Он сказал: пусть. Он сказал, что ты ему нравишься.

– Скажи еще...

– Он разрешил. Мы будем вместе.

– Не верю, – бормотал Юстин, а теплое солнце распирало его грудь, толкалось в ребра. – Не верю... Наконец-то...

Над землянкой гулял ветер. В маленькой глиняной печке догорали угли.

* * *

Юстин топил печку всю ночь. К утру в землянке было мокро и душно, а ветер, врывавшийся из щелей, превращался в пар.

– Теперь надо думать, где жить, – сказал Юстин виновато. – Если бы мы могли вернуться к деду... Но мы не можем. Князь...

– Ушастый?

– Нет, – сказал Юстин, чувствуя неловкость оттого, что Анита ничего не знает и придется ей, оказывается, объяснять. – Новый князь... его имя Радим, раньше он был кузнецом...

И он рассказал ей все, что случилось с того момента, как на их с дедом двор заявили всадники на высоких конях, и до последнего испытания – их с Радимом скачки на клячах.

– ...Знаешь, как наездники загоняют до смерти любую тварь, которую удастся оседлать? Вот так и мы должны были... Он нахлестывал и шпорил...

Юстин рассказывал, предвкушая, как удивится Анита, узнав, в чем на самом деле состояло испытание Звора – однако рассказ его как-то сам собой оборвался в том месте, где умирающая лошадь Радима грянулась о землю.

– И он победил? – спросила Анита. – А лошадь упала?

– Упала, – сказал Юстин, уже понимая, что не станет рассказывать дальше, и понимая почему. – Он победил, и... он стал князем. А я убежал, потому что всех остальных бастардов Звор велел убивать...

Анита задумалась. Юстин понимал, что солгал ей ни с того ни с сего. Просто затем, чтобы не рассказывать о ночной встрече с ее отцом. Об их разговоре. О красном шелковом флажке.

Стала бы Анита любить человека, в чьей душе чужой рукой оставлен кусочек красного шелка? Может быть, зря он утаил правду?

Может быть, Анита спросит сейчас – но почему же *ты* был в княжеских покоях, когда я принесла тебе стеклышко?

Она не спросила. Думала о другом:

– Князь ты или беглец – мне все равно... Где ты захочешь жить – мне все едино... Мы сможем убежать так далеко, где не только новый князь – сам Ушастый Звор нас не достанет. Мы можем жить в теплой стране, где никогда не бывает зимы, там, куда улетают эльфуши, как только у нас наступают первые заморозки... Мы можем жить хоть в людном городе, где все друг к другу добры... Хоть в горах, одиноко, где только грифы и нет ни одной живой души... Мы можем все, что захотим, Юстин. Мы заслужили... Давай поженимся завтра? Я дам знать моему отцу...

– Да, – сказал Юстин, чувствуя холодок в животе. – Конечно, его присутствие на свадьбе... обязательно?

– Ведь это он совершит обряд, – улыбнулась Анита.

– Какой обряд?

– Древний, самый правильный свадебный обряд... Чтобы не только в жизни мы не могли изменять друг другу, но и в помыслах не могли изменять – он войдет каждому из нас в душу и оставит там красный шелковый флажок.

* * *

По первому снегу Юстина выследили. От неминуемой гибели его спасла муха-аукалка, заговоренная дедом муха, поначалу увлекшая преследователей за собой. А когда охотники поняли свою ошибку – дичь была уже далеко; Юстин бежал, рассыпая за собой последние семена-обманки, слыша, как с треском врастают в промерзшую землю корни деревьев-однодневок, как поднимается частокол стволов, авось не проберутся конные...

Потом обманки кончились. Он бежал, выбирая овраги поглубже и чащобы погуще. Шел, не останавливаясь ни на минуту, не отдыхая даже ночью, будто и не зная, что такое усталость. Он шел сквозь забытый людьми лес, это была тяжелая работа – но работа куда более трудная происходила у него внутри.

Почему, потрясенно спрашивала Анита. Разве ты собираешься изменять мне?

Нет, твердил он сквозь зубы. Именно потому, что не собираюсь. Именно потому, что люблю тебя и доверяю тебе... И ты мне доверяй! Безо всякого флажка в душе!

Но ведь это традиция, говорила Анита и казалась при этом такой растерянной, что даже теперь, вспоминая, Юстин скрипел зубами от жалости. Это – как клятва, говорила Анита. Ведь во все времена и у всех народов будущие супруги дают друг другу клятву... Ты скажешь, что не надо давать, ведь и так понятно, что они любят друг друга?

Клятву я могу дать и без помощи твоего отца, твердил Юстин.

Значит, ты просто боишься, с облегчением смеялась Анита. Ну что ты, это не больно и не страшно. Это вообще незаметно, вот увидишь...

Юстин вспоминал душную ночь в княжеских покоях. Так говорил Ос, Хозяин Колодцев: «Ты боишься. Ты трусил. Ты как ребенок, впервые увидевший лекаря». Ну конечно, как он мог забыть, чья Анита дочь...

И потом, говорила Анита, ведь сегодня мы молоды... А потом пройдут годы. Впереди целая жизнь, я сделаюсь старой, а ты еще будешь полон сил... Кто знает, что может случиться?

Юстин возмущался. Он доказывал ей и убеждал ее, что никого, кроме нее, пусть больной и старой, пусть вовсе немощной старухи, ему не надо – но она только непонимающе качала головой: Юстин, я не узнаю тебя. Не ты ли обещал, что ради меня готов на все, что угодно?

Да, говорил Юстин. Я обещал... и я готов.

Значит, говорила Анита, просто прими этот флажок, будто жертву. Пусть это будет твоя первая уступка жене... А потом и я тебе в чем-нибудь уступлю.

Тогда он сдался и сказал: мне надо привыкнуть к этой мысли. Дай мне время, чтобы я мог смириться с этим.

Поднялось солнце, и Анита ушла, печальная и задумчивая, но на прощание поцеловала Юстина и сказала: я буду ждать. Вот тебе монетка, когда решишься – брось ее в огонь...

А на другой день его выследили, и теперь он бежал, ежесекундно ожидая выстрела в спину.

Немного утешало то, что если погоня совсем уж наступит на пятки – можно будет наскоро развести огонь и бросить в него Анитину монетку. И Анита поможет – если, конечно, на небе в этот момент будет солнце или хотя бы луна...

Когда Юстина догнали, было пасмурное, безо всякой надежды утро. Стрела воткнулась в ствол в полупальце от его уха; не успев ни о чем подумать, он упал в неглубокий осенний снег и покатился вниз по склону оврага. Под слоем снега были сухие дубовые листья, можно было бы зарыться в них и переждать погоню – если бы только было время, и если бы не далекий лай собак, охотничьих бестий, от которых прятаться бесполезно...

Он скатился на дно, укрылся за поваленным стволом, взял лук наизготовку – и понял, что сейчас придется впервые в жизни стрелять в человека.

Те, кто преследовал его, не испытывали никаких неудобств, целясь в себе подобного. И, безусловно, в охоте на человека они были куда опытнее Юстина – стоило ему неосторожно приподнять голову над укрытием, как шляпу с него сдернули, будто шутя. Оглянувшись, он увидел ее на земле – нанизанную на стрелу с красивым черно-белым оперением.

Вооруженные люди в сером – кажется, их было четверо – ловко, будто играючи, перебежали от укрытия к укрытию, спускались все ниже в овраг. Юстин лежа натянул тетиву – и, внезапно поднявшись над поваленным стволом, выстрелил в первого из бегущих. И сразу же увидел, что стрела его идет мимо, и что навстречу ей сверху, из чужого укрытия, идет другая стрела. Юстин скорее почувствовал ее, нежели увидел – и, как в дурном сне, понял, что не успевает убраться с ее пути, увернуться, упасть...

Под снегом была листва. Запах осени, покоя, кладбища. Юстин лежал лицом вниз, а там, на склоне оврага, кто-то кричал, и в крике его была смерть.

Юстин приподнялся.

Те, что секунду назад спускались склоном оврага, теперь пытались отступить под градом стрел. Стрелы приходили из-за Юстиновой спины, доставали бегущих, те падали и барахтались в снегу и в листве. Собачий лай приблизился, потом отдалился; Юстин оглянулся. В десятке шагов за его спиной стоял тощий, по глаза заросший седой бородой старикашка.

– Тикай сюда, – сказал старикашка неожиданно густым басом. – Беги, братушка, а то ведь пристрелят, неровен час...

И поманил кривым, как дубовый сучок, пальцем.

* * *

Они называли себя лесными призраками – для красоты, и чтобы страху было жителям соседних местечек. Жили не очень-то сладко; у каждого за плечами была печальная история, подлинная либо выдуманная. Первые трое были бывшие каторжники (один из них сделался атаманом), четвертый и пятый – солдаты-дезертиры, шестой – сирота без роду без племени, седьмой – младший сын богатого купца, лишенный наследства и разобидевшийся на весь мир. Восьмой был поэт и бард, на все лады повторяющий, что мир – коровья лепешка и потому всем должно быть на все плевать. Девятый был пастушок, сбежавший в лес от скуки. Десятый был дурачок, одержимый духами.

Быт разбойников оказался почти столь же убогим, как и у Юстина в его землянке – за исключением того, что среди тряпок, служащих постелью, иногда попадались остатки по-настоящему дорогих вещей: полы бархатных кафтанов, обрывки шелковых плащей, клочки каких-то не то покрывал, не то портьер. Юстин догадывался, откуда взялись эти вещи, но не хотел думать, что стало с их прежними владельцами.

О безопасности разбойники думали основательно. Над входом в жилище белели, приколотые гвоздями, кости человеческой руки с локтем и ладонью; каждый костяной палец выполнял свою работу: мизинец оберегал от лесовиков, безымянный палец – от собак, средний – от стражников, указательный – от княжьего гнева и большой – от крестьян с дубьем. Широко вокруг разбойничьего укрытия расставлены были колья с надетыми на них кукушечьими черепами – когда рядом появлялся кто-то чужой, в лагере слышно было леденящее душу «ку-ку». Кроме того, перед избушкой денно и ночью горел костер, на закате в него бросали кусочки мелко нарезанного кабаньего хвоста – испытанное средство «от непрошенных гостей».

В хибаре разбойников, в многолетней грязи, полным-полно водилось домохранцев, и никто не обращал на них внимания. Юстин ночевал под открытым небом, сам вызывался сторожить костер. Сперва ему не доверяли, думали, что хочет бежать, а потом, раскусив его брезгливость, взялись потешаться: подбрасывать многоногую мелочь ему за шиворот. Первым, кто проделал этот фокус, был старый каторжник; тогда Юстин сдержался и пригрозил, однако

никто не принял его слова всерьез. Вторым шутником оказался плечистый дезертир; дрались долго и жестоко, пока наконец Юстин не повалил соперника на землю и не засунул дохлого уже домохранца ему в зубы.

С тех пор шутить над Юстином перестали.

По ночам приходили какие-то люди, подолгу сидели у костра, что-то приносили в мешках, что-то уносили; порой разбойники отлучались, оставив поэта сторожить хибару и присматривать за Юстином. Поэт заводил свои однообразные песни, а Юстин смотрел, как открывается его рот, и думал о своем.

Огонь горел. На небе висела луна; он разыскивал в кармане Анитину монетку.

Не та ли это самая, которую бросил когда-то на каменный пол Хозяин Колодцев, определяя Юстинову судьбу? Орел – смерть. Решка – жизнь...

Юстин сидел, зажав монетку в кулаке.

* * *

Однажды утром он пошел в лес за хворостом. Почему-то именно в это ясное, хрусткое зимнее утро тоска его была особенно черной.

Под заснеженным дубом он остановился. Когда-то в дерево ударила молния, верхушку сожгла, а прочие ветки так сильно напугала, что теперь они росли как придется, вкривь и вкось. Издалека казалось, что в развилке дуба сидит человек.

Он вернется в разбойничий лагерь – и бросит монетку в огонь.

Ты решился, спросит Анита.

Объясни мне, скажет Юстин. Разве твой отец настаивает на обряде?

Нет, скажет Анита. Но ты решился?

Я люблю тебя, скажет Юстин, как не раз уже говорил. Мне не нужен флажок, чтобы быть тебе верным.

Ты не хочешь уступить мне, спросит Анита. Как уже не раз спрашивала.

Пойми меня, попросит Юстин.

Не понимаю, скажет Анита. Одно дело – флажок на верность Звору... А другое дело – на верность жене... Ведь и у меня будет такой же флажок! Ведь я тебя люблю, в отличие от Звора! Я не потребую от тебя злого!

Флажок – зло, скажет Юстин.

Нет, скажет Анита. Флажок – это средство. Огонь не может быть злом потому только, что людей сжигают на площадях.

Юстин не найдет, что сказать. В это время Анита, в своей обиде похожая на обманутого ребенка, вытащит откуда-то круглую прозрачную льдинку, взглянет на солнце...

Развилка дуба была пуста. Осыпался потревоженный ветром снег.

* * *

Он часто думал о деде. Как он там? Как перезимует?

Наступила весна. Разбойники отошдали и обносились. Среди добычи, перекочевывающей в мешки ночных визитеров, больше не было ни золотых украшений, ни парчи – только грубое крестьянское полотно, оловянная утварь и стеклянные бусы. Юстин понимал, откуда они взялись.

Он ненавидел разбойников.

Иногда ему казалось, что он понимает их. Что разбойники – люди без единого флажка в душе. Даже тот флажок, что вырастает сам по себе в душе каждого человека и не велит убивать себе подобных – даже этот флажок у них втоптан в грязь.

Он знал, что с первым теплом уйдет отсюда. Уйдет в горы, где его не достанет князь Радим, станет жить совсем один, и, может быть, сумеет все-таки принять решение...

Не раз и не два он думал о том, как бы объяснить Радиму, что Юстин не соперник ему. Что он никогда не заявит права на трон – а хочет спокойно жить с своим доме и помогать деду. Радим умный – он бы понял...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.